

МАРК ДЕНТАТ

ДЕМОНЫ
ИСТИНЫ

Марк Дентат
Демоны Истины

«Автор»

2026

Дентат М.

Демоны Истины / М. Дентат — «Автор», 2026

В мире, где вера способна рождать и уничтожать, даже боги не остаются неизменными. Рыцари Серого Трона ведут непрестанную борьбу против самой природы божественности — и смертных, что ее порождают. Их война почти всегда скрыта, негласна и проходит на грани человечности. Потому что некоторые сражения не должны быть увиденны. Но когда древний демон разрывает границу реальности и превращает целый город в искаженный вихрь Пустоты, инквизиторы оказываются втянуты в бой, где разум перестает быть опорой, а сама плоть начинает подчиняться чужой воле.

© Дентат М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава первая: Охотник на ведьм	7
Глава вторая: Ростки порчи	10
Глава третья: Тиллонский потрошитель	13
Глава четвертая: Запах порчи	19
Глава пятая: Черное солнце	21
Глава шестая: Страж и Пастор	26
Глава седьмая: Сын песков	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Марк Дентат

Демоны Истины

Пролог

— Прошу, господин! Я ни в чем не виновата... — молилась рыжеволосая девушка, пока на ее тонкую шею набрасывали веревку.

Слезы струились по бледным щекам, искаженным страхом, под гогот и грубые шутки солдат гарнизона Виллока — жестоких, ожесточенных мужчин, единственных, кто соглашался помогать Эмануэлю Верракту в его непростом деле.

— Клянусь, добрый господин! Смилуйтесь! Пощадите! Вы совершаете ошибку!.. — плакала она, извиваясь в предсмертном танце. Босые ноги едва касались шаткой колоды.

На миг в грубых сердцах солдат дрогнуло что-то человеческое.

Трое, облаченные в кольчуги и шапели, бросили нерешительные взгляды на молчаливого всадника. Тот скрывал лицо за платком-полумаской и широкополой шляпой. Ни слова, ни жеста — лишь безмолвная, суровая решимость.

Приговор обжалованию не подлежал.

Вирнан, солдат из гарнизона лорда Туралиона, без слов ударил по колоде ногой.

Девушка сорвалась вниз. Жалобный плач сменился хрипом и сдавленным треском, когда веревка натянулась. Ноги дернулись в воздухе, пытаясь нащупать землю.

Солдаты молча смотрели, как в петле застывает молодое тело. Сомнение омрачило их лица. Может, она не была ведьмой?

Но Эмануэль Верракт не позволял себе терзаний. В его деле ошибки — часть пути. Провидение до сих пор было к нему благосклонно.

Солдаты отступили. Казнь окончена. Девка висит. Красивая. Рыжая. Мертвая.

Ошибся? Может это была не искомая ведьма из Блаэра.

— Прикажешь снять? — спросил Ерл, самый молодой из солдат.

Охотник молчал. Он не выглядел потрясенным. Скорее, сосредоточенным — как будто все еще что-то выискивал в мертвом теле.

Старик Йорвас махнул рукой и, вытащив нож, направился к висельнице. Не успел подойти — застыл. Затем с криком отпрянул и рухнул на землю.

Платье девушки заколыхалось, будто от сильного ветра. Свет померк. И ясный день обратился мрачной, угрюмой серостью.

Ее тело поднялось выше — теперь вовсе не касаясь земли. А глаза... открылись. Вспыхнули ядовито-зеленым светом.

— Все вы... — пророкотал чужой голос, — все вы сгинете. Ваших детей сожрут Глубинные Псы. Ваши жены, сестры и матери понесут от демонов Пустоты...

Верракт выстрелил мгновенно.

Громкий хлопок — и зачарованная пуля с рунами разнесла голову ведьмы. Кровь и осколки костей забрызгали ствол дерева и траву под ним.

— Не ошибся, — выдохнул Верракт с облегчением, возвращая пистоль за пояс.

Вирнан и Ерл уже мчались к воротам Виллока. Один Йорвас остался стоять, как вкопанный. Бледный, с глазами, полными ужаса, он смотрел на изуродованное тело. Платье девушки было залито кровью. С кончиков пальцев капали карминовые капли. Рыжая челка, пропитанная багровым, прилипла к останкам лица.

Верракт отмерил три золотых солида и вложил их в руку старику.

— Инквизиция признательна за содействие, — бросил он на прощание и направил черного скакуна в сторону Виллока.

Не ошибся, — еще раз подумал он.

Глава первая: Охотник на ведьм

Виллок встретил охотника на ведьм затаенной тишиной. Шумный в иные дни город будто притаился, живя своей обычной, поверхностной жизнью — но с каким-то посторонним скрипом, неестественным хрустом в суставах старого дерева. Рынок гудел, лавки были открыты, мальчишки гоняли тряпичный мяч по пыльной мостовой.

Копыта вороного коня глухо отбивали ритм на булыжниках, и Эмануэль Верракт, укрытый в тень своей широкой шляпы, скользил взглядом по улицам, по лицам, по жестам. Он искал то, что не видно глазу, но слышно нутром. То, что витает между строк.

На площади, подле выцветшего позорного столба, высилась церковь. Камень ее был бел, почти как соль, но с налетом иноземного духа, чуждого здешним местам. Стройные башенки, украшенные витражами, кротко ловили свет и отражали его на серые стены соседних домов. Над входом — знак Элиона: круг, опутанный сияющими лучами, — солнце, разлитое в обетах.

Верракт остановил коня, смотрел. Долго.

Его глаза, холодные, как полированная сталь, не выражали ни ярости, ни отвращения. Лишь сосредоточенность. Церковь была не просто чуждой — она пустила корни. Это чувствовалось в строении улиц, в перекошенных взглядах прохожих, в том, как женщины с детьми спешно скрывались за дверями, когда он проезжал. Инквизитор знал: когда религия становится почвой, из нее могут вырасти только язвы.

Он оставил коня у хмурого мальчонки-конюха у трактира с облупившейся вывеской — "Дымящийся горшок". Зашел. Местечко было затхлое, с вековой копотью на балках и дразнящим запахом дешевого эля и поджаренной грудинки. В углу брэнчал лютнист, его пальцы лениво перебирали струны, как будто скучая вместе с посетителями.

Верракт занял место у стены, откуда просматривался весь зал, и, не снимая шляпы, бросил серебряную монету трактирщику. Тот, краснощекий, с пропотевшей рубахой и жирным фартуком, кивнул, поставил кружку мутного эля.

— Издалека, господин? — вкрадчиво.

— Поглядываю, — коротко ответил охотник.

— Сейчас время такое... всяк глядит, где безопасней. — Хмыкнул трактирщик и отошел к другому столу.

Разговоры за соседними столами шли неторопливо, как вязкая река. О пастыре, новом. Прибыл недавно, из самой Сельвины. Мол, старого — добряка отца Холема — схоронили тихо. Говорят, сердце. А может, и не сердце вовсе. Новый же — как огонь: говорит пламенно, обещает избавление, спасение, урожай и здоровье, если следовать за Светом «неотступно и со смирением». Храм теперь открыт днем и ночью. Службы каждый вечер.

О хлебе говорили глухо. Цены росли, как плесень на черством тесте. Урожай сгнил, да и тот, что взошел, вышел хилым, каким-то желтоватым, как кожа у мертвеца. Скотина падала без причины — тельцы дохли прямо на пастбищах, с пеной у пасти, будто чернь саму жизнь выжала из них.

Эмануэль пригубил эля. Теплый, мутный.

Когда трактирщик вновь приблизился, охотник спросил:

— Отчего скот дохнет?

Тот потупился. Протирал кружку, будто вычищал из нее правду.

— Кто ж его знает, господин. Болезнь, говорят. Или сглаз. А может, проклятие. Но пастырь наш, новый... он говорит — это происки врагов Господа.

— И ты веришь?

Трактирщик замаялся, бросил взгляд на иконочку над стойкой — солнце Элиона, выжженное в дереве.

— Кто ж я такой, чтоб не верить? А вы... может, и сами загляните на службу? Говорят, исцеления случаются. Да и слова пастыря... как огонь в сердце. Кто его слышал — тот уже другим выходит.

Верракт кивнул. Медленно. Как если бы услышал не слова, а зов охоты.

Снаружи вечер начал наползать на Виллок, как гнилая пелена. И в этом мраке Эмануэль чувствовал, как под ногами что-то тянется корнями глубже, чем кажется. Не вера. Не паства. Что-то более древнее. И чуждое.

Верракт задержался в трактире допоздна.

Он не пил вторую кружку — не из воздержания, а из привычки. Наемный убийца пьет, чтобы забыть, вестник Истины — чтобы запомнить. Он слушал. Подслушивал. Впитывал байки, шепоты, повторы. Вокруг ходили разговоры, как ветер в старом амбаре: о черной курице, что снесла яйцо без скорлупы и прокричала человеческим голосом.

Иногда говорили шепотом. Иногда — уж слишком громко, чтобы не казаться неестественно. Это выдавало страх.

Куриный окорок был суховат, овощи — переварены, но Верракт ел молча. Пища редко вызывала в нем чувства.

Расплатившись, он медленно поднялся, поправил ремень с пистолетом, взвесил на бедре ножны меча. Кожа его сапог предательски скрипела по половицам, как напоминание городу, что он здесь.

Улицы Виллока встречали его серым ветром и вечерней гарью. Не грязный — нет, город был вылизан, чист, как старый солдат перед строем. Но серость его была не цветом, а настроением. Дома с черепичными крышами, резными балками и глубокими окнами смотрелись живописно, даже нарядно — как на картинах. Только что краски все выцвели.

Узкие улочки вились, будто змеи, путаясь между домами. Где-то слышался лязг кузнечного молота, но сам кузнец уже, казалось, ушел — оставив за собой лишь привычку.

Колокол ударил раз. Потом другой. Звук был звонкий, но от него тянуло холодком по спине — как от свечи, которая гаснет, но все еще светит. Верракт поднял взгляд — церковь, что он уже приметил, возвышалась над округой, как белый зуб в гнилой десне.

И к ней шли.

Сначала — двое городских стражников. Кольчуги у них были не новые, но не рваные. Плоские шапелы блестели в отсветах заходящего солнца, каплевидные щиты болтались за спинами. Наглядно, без вдохновения, они шагали, как по уставу, но без души. И за ними — людская вереница. Купцы в добротных камзолах. Ремесленники с грубыми руками, натруженными пальцами. Старухи в чепцах, и — особенно — матери с детьми.

Эмануэль остановился. Смотрел, как они тянули своих отпрысков, тщательно одетых, умытых, с ленточками и сверкающими глазенками — прямо в пасть.

«Приобщаются к божественному», — с иронией подумал он, — как ягнята к пастбищу. Он шагнул за ними.

Его фигура растворилась в потоке, как тень среди солнечных бликов. Шляпа низко опущена, глаза — внимательные. Он шел не с верой. Он шел с вопросами.

И надеялся: ответы будут ждать его в храме. В словах нового пастыря. В его голосе. В дыхании прихожан. В том, как звучит песнь — и в том, кто ей подпевает.

Церковь встретила Эммануэля не гулом веры — а затхлым дыханием камня.

Сводчатый потолок, рябой от времени, подпирали колонны с простыми капителями — когда-то их, быть может, украшали резные символы, но теперь они были истерты, как память о чем-то большем. Лавки — грубые, вытертые, с мягким блеском, который оставляют не годы, а колени. Фрески, покрытые копотью лампад и дымом свечей, изображали высокую, мускулистую фигуру в сверкающем панцире — Молотобоец Элион, с глазами, обращенными в высь,

с молотом в руке, пронзающим отвратительное, распадающееся чудовище. Под фреской — слова, выведенные старым, ветшающим письмом: «Свету принадлежит огонь, но меч — нам».

Холодно. Светло от окон под сводом, но свет был сероватым, небесным, — словно сам Свет Элиона уже приходил сюда и устал.

Прихожане сидели чинно. Склоненные головы, пальцы, сжимающие простые деревянные четки. Кто-то шептал про себя молитву, кто-то просто смотрел в пол. Женщина у колонны прижимала к себе ребенка, мальчишка глядел исподлобья, и в его взгляде сквозила скука — слишком человеческая, слишком живая.

Пастор стоял на возвышении, облаченный в скромную рясу цвета пепла. Никаких золоченых одеяний. Лишь цепь на шее, тонкая, и взгляд — пламенный, вдохновенный. Он говорил, и голос его был тих, но обволакивающий, обжигающий словом.

— ...Ибо ныне, братья и сестры, мы живем в дни последних испытаний. Когда Свет гаснет над домами неверия, когда дождь хлещет на стерню и гниют семена. Смотрите: и скотина пала, и дитя плачет без молока, и старик не может встать с постели. Но это — знамения. Это — испытание воли. Так, как и Элион однажды пришел в этот мир из Сияния, чтобы развеять плоть Тьмы, так и мы... мы должны стоять. Против скверны, против неверия, против отречения. Чтобы не погибнуть — но быть вознесенными в Свете.

Люди не кричали «да будет», не хлопали в ладони. Но в зале повисла тишина. Такая, что слышно было, как капля воска падает со свечи. Тишина согласия.

Эммануэль все это время стоял, чуть в тени у входа, облокотившись на колонну. Его поза — вальяжная, неуважительная. Нарочно. Он был гостем незванным, но заметным. Под шляпой взгляд его — холодный, изучающий. Он отмечал каждую дрожь пальцев, каждое несвоевременное «да будет», каждый взгляд, чуть более долгий, чем нужно.

Прошел хромой сапожник с гнилыми ногтями. Следом — ткачиха с натертыми до крови ладонями. Бледный юноша с глазами, в которых было слишком мало юности. Монахиня с припухшим запястьем, торопливо прикрытым рукавом. Подозрения? Нет. Пока — лишь детали.

И тут — старик. Худой, скрюченный, словно в теле его жили змеи. Лицо — перекошено, правый глаз — муть и бельмо. Он шел медленно, но когда поравнялся с Веррактом, повернул голову.

— Осквернитель, — прохрипел старик. — Ты... забрать хочешь? Элиона? Элиона нашего?

Веракт не ответил. Лишь взглянул — снисходительно, как на глупую собаку, что тявкнула на прохожего. И стоял так, пока старик не побрел дальше, бормоча, как сорванный колокол.

Когда последняя тень прихожан скрылась за дверью, он оттолкнулся от колонны и пошел между скамей — тихо, без спешки. Его шаги были мягки, но звенели уверенностью. Поднялся на помост, где пастор, оставаясь в одиночестве, поправлял пурпурное покрывало на кафедре, закрывал томик псалмов. Обернулся.

— Добрый вечер, странник, — проговорил он, устало, но с доброжелательной тенью на лице. — Не часто мы видим новых в храме Элиона. Вера привела тебя?

Эммануэль остановился перед ним. И тихо, почти ласково ответил:

— Любопытство. Оно порой ведет дальше, чем вера.

Глава вторая: Ростки порчи

Проселочная дорога тянулась, как старая нить, брошенная рукой забытого бога. Колеса кареты скрипели на спрессованной земле, перескакивая через корни и кочки. По обе стороны дороги — высокая трава, пожелтевшая от солнца и ветра. Редкие деревья — тощие клены, угрюмые рябины, редкие, как молитва в доме грешника. В небе — ни облака, только ленивое солнце да одинокий коршун, парящий далеко впереди.

Эмануэль Верракт сидел, чуть откинувшись назад, шляпа низко надвинута на лоб, глаза прикрыты. Он не дремал — думал.

Пастор. Дарион Ансейон. Служитель чуждого, инородного культа. Речист, горяч в своей вере, но без фальши. Он не прятал взгляда, не пытался запутать. Говорил искренне, даже когда речь заходила о Свете и Сошествии. Глупец, может быть, но не враг. Не тот, кто режет скот и травит посевы. Верракт видел таких — иные смеялись в лицо, другие — опускали глаза. Этот — просто верил.

«Их идолы с ними. Пусть молятся. Свет, Элион, Грулх, Всеотец. Все они — чужие лики. Лишь бы не совались туда, где боги являют лица...» — подумал он.

Приход — ничем не примечательный. Крестьяне, как крестьяне. Старики с застывшими глазами, дети, не ведающие, во что верят. Слушают, поют, кланяются. Все как обычно.

Под амвонами ничего. Лики святых на иконах вроде не вызывают подозрения. Фрески стары и не обновлялись.

Колеса скрипнули, карета качнулась на корне, выбитом дождями. Верракт не шелохнулся.

По обочине дороги лениво покачивалась трава, перебранная легким ветром. Деревца — тощие, искривленные, будто тянулись к небу, да забыли зачем. Где-то каркнула ворона. Запах земли — сухой, с примесью летнего навоза.

Смерть скота — не мелочь. Не один двор, не одна худая корова. Проклятие? Хворь? Или что-то старше? Что-то, что шевелится под пеплом времени?

Эмануэль Верракт приоткрыл глаза. Впереди на холме маячила ферма. Простая, серая, как сама дорога. И скотины там не было видно вовсе.

Он кивнул вознице.

— Стой здесь. Дальше я пешком.

И шагнул на землю. Шаг — тяжелый, но размеренный.

Ферма, к которой приближался Верракт, выглядела обычной. Не заброшенной, не вычурной. Крыша подлатана. Сарай покосился, но стоял. Возле дома лежала куча дров, сложенных тляп-ляп. Возле ворот — старый плуг, ржавый, но рабочий. Никаких запрещенных оберегов на стенах, никаких странных тотемов.

Ни коров, ни телят, ни даже собачьего лая.

Шляпа глубже на глаза. На поясе — пистоль и клинок. Под сапогом — хрустнул сучок.

Хозяин фермы вышел сам — приземистый, широкоплечий. Лет под сорок. Щетина на лице, жилы на шее. Глаза серые, как пепел. Одет в холст, пахнущий дымом и потом.

— Звать Готфрид, — представился, протирая руки о штаны. — Не знаю, чего искать собрались, милсдарь. Поздно вы, поздно... Всех уж нет.

— Знаю, — ответил Верракт, не улыбаясь. — Но расскажи.

Фермер почесал затылок. Плюнул в сторону, в пыль.

— Началось все с молока. Кисло стало. Пузырится. Жена первая заметила — говорит, свернулось как-то... не так. А потом слизь пошла. Черная. Густая, как деготь. Скотина стала биться. Сначала одна, потом — остальные. Как подкошенные. Пасть пена, глаза стеклянные...

Не орали даже, будто кто горло сжал. Последнюю я сам зарезал. Бедная Мелка... мучалась, ногу себе вывернула. Я ей — ножом, быстро. Чтоб не страдала.

— Где они? — спросил Верракт, голосом каменным.

— Увезли, — пожал плечами Готфрид. — В могильник, под леском. Там теперь вся округа хороним... Не я один пострадал. Вон, у Лангера, у Тассера, у вдовы Лор — все то же. Все вымерло. Никто не знает почему.

— С кем ссорился? Дорогу кому перешел?

Фермер зыркнул.

— Да никому я. Свое дело веду. Не пью, не ругаюсь. Ни с кем не ссорился. И если б только я. У всех жрет... как мор какой...

— Знаю, — сказал Верракт тихо, сквозь зубы, будто самому себе.

Он не стал говорить больше. Не стал спешить с выводами. Ведьмы не всегда оставляют черный след.

Иногда — только намек. Иногда — черную слизь в белом молоке.

Он развернулся. Кивнул Готфриду на прощание.

И пошел — туда, где хоронят падших. К скотомогильнику.

Карета остановилась на гребне холма. Ни слова не говоря, Верракт вышел, словно шагал не по земле, а по хрупкому стеклу. Воздух здесь был густ, как старый бульон, пропитан запахом гнили, извести и горячего пепла.

Могильник.

Внизу, в широкой глиняной яме, дымились черные останки. Горелые туши скота — вздувшиеся, потрескавшиеся, с подрагивающей коркой почерневшего мяса. Белая известь, перемешанная с грязью, уже не перебивала смрада. Солдаты работали молча, в масках с плотно затянутыми ремешками. У некоторых маски были надеты поверх бород и щетины, у других — прямо на кожу, оставляя багровые следы от натяжения. Они были серы от пепла, как статуи, вросшие в работу.

— Остановить. — сказал Верракт и сам натянул свою полумаску, сделанную на манер инквизиторских — с фильтром из горького корня и окуренного мха.

Он спустился. Подошел к одной из туш, свежесброшенной в яму. Присел на корточки. Осторожно раздвинул ухо животного — зеленый гной в глубине слухового прохода. Зубы — рыхлые, десны черны и потресканы. Глаза мутные, затянуты зеленой пленкой.

Он коснулся брюха — кожа натянута, как на барабане. Вздутие, явно не от обычной гнили. Копыта... слоятся. Внутренняя ткань выступает через трещины, будто мясо пыталось вылезти наружу.

— Это не хворь, — тихо сказал он, больше себе. — Не та, что в учебниках.

Он нашел остатки молока на вымени одной из туш — густое, свернувшееся, с черными прожилками, похожими на змеиную слизь. Поднес на палочке ближе — запах тухлой меди и... ила.

— Продолжайте. Сжечь все. Глубже яму. Грейте известь.

Солдаты кивнули.

Виллок. Житница Александриса. Здесь пшеница должна стоять золотом — колос к колосу, усыпая землю светлой крупой.

Но на поле пшеница чернела. Сухие стебли — ржаво-коричневые, искривленные, словно плавилась при жизни. Колосья были покрыты черными пятнами — грибковыми язвами, что лопались при касании, выпуская сизую пыль. В некоторых колосьях зерно заменялось вязким мясистым сгустком — похожим на сгусток плоти или слизи, не имевший ни запаха, ни вкуса. Птицы не клевали это. Да и птиц не было вовсе.

Верракт присел, сорвал один из колосьев. Сжал. Он не рассыпался. Только издал хлопающий, влажный звук.

"Не ведьма..." — подумал он.

"Либо ведьма слишком сильна... нет. Здесь — что-то другое. Не человек".

Он поднялся. Поле перед ним расстилалось как черная рана. И это была только первая.

Небо было низким, свинцово-серым, как крышка гроба. Верракт поднимался по скрипучей лестнице к голубятне, что стояла в отдалении, на возвышении, среди ветра и крика ворон. Доски под ногами дрожали, но он не замечал — взгляд его был устремлен внутрь.

Что-то назревает. Неясная мысль. Не логика. Не знание.

Чутье.

Как зверь перед бурей, он не знал, что произойдет, но чувствовал, что время надвигается. Время, которое нельзя описать словами.

"Не зря Серый Трон направил провидением меня сюда. Не зря одинокий след вывел к мраку среди пшеницы."

Он вошел в голубятню. Шорох крыльев, тонкий запах перьев и пергаментов. Ячейки, каждая — с табличкой и символом. Он подошел к клетке с надписью:

"Тиллон".

— Умный. Летит быстро. До Империи — два дня. До Серго Трона — если не собьют, — день.

Он вынул узкий лист, черкнул несколько резких, острых знаков, известных лишь посвященным. Не сообщение — призыв.

Свернул, вложил в кожаный кулек, привязал к лапке.

— Лети, — сказал тихо.

Открыл дверцу.

Голубь взмыл в небо, исчезая в облаках, как мысль, сорвавшаяся с языка.

Верракт стоял и смотрел вслед.

В надвигающейся буре не выстоять колоску, каким бы прочным он не был. Послание предназначалась тем, на кого он мог положиться. Тем, кого в народе за глаза называли "демонами". Голодными псами Серого Трона. Перстами его карающей руки.

Глава третья: Тиллонский потрошитель

Изуродованное, растерзанное тело лежало поперек узкой мостовой — между лавкой портного с одной стороны и магазином гвоздей с другой. Двери обеих лавок были обильно забрызганы кровью и нечистотами. Оторванная голова, с уродливым, кривым срезом шеи, — в трех метрах от тела. Под дверью лавки кожевника.

От тела до головы тянется густой след карминовых брызг.

Грудная клетка вспорота, ребра вывернуты, а внутренности раскиданы вокруг обезглавленного тела. Кишки — отвратительная перламутровая змея — хаотично расползлись по мостовой и мерзкой гирляндой повисли на вывеске лавки портного, зацепившись за ржавый гвоздь.

Энаэль Брабасс, рыцарь-истребитель из Ордо Терминус, внимательно осматривал место преступления сквозь прорези своей железной маски.

Седьмая жертва за неделю. Тридцатая — за месяц.

Правая нога оторвана по колено и приютилась у парапета стены лавки с гвоздями — мимоходом и не заметить сразу. Левая рука по локоть отсутствует.

Ни Энаэлю, ни страже не удалось ее найти.

Зачем кому-то мертвая рука? — могло подуматься стражникам, которые сейчас старались не смотреть на безобразную картину убийства, сдерживая зевак, набежавших с порта поглазеть.

Но Энаэль Брабасс, лучший охотник на чудовищ, что был в распоряжении Ордена Инквизиции, имел десяток предположений по этому поводу.

В прошлом году Потрошителем Тиллона объявили стригоя, поселившегося в скальных пещерах, выходящих к гавани. И, как это часто бывает, объявился герой, убивший чудовище. В том году им стал рыцарь из королевской гвардии, принеся на суд общественности голову гигантской летучей мыши.

Этого оказалось достаточно, чтобы Дерек Лунфайтер из Младших Сынов получил почести и регалии, достойные освободителя от гнета монстра. Город мог спать спокойно. А сир Дерек — вдоволь радоваться новой жизни при дворе короля.

Но у подобного рода «геройств» всегда была обратная сторона.

Подобные герои нередко не доводили дело до конца.

И заканчивать, а зачастую — и исправлять, приходилось Инквизиции.

Мало убить чудовище. Важно разорить его логово. Устрашить собратьев, чтобы им больше не приглянулась уютная нора соплеменника.

Мало кто из любителей поохотиться на нечисть озадачивался созданием непригодных условий для повторного заселения.

В этот раз героев не нашлось даже для того, чтобы отыскать и убить новоприбывшую тварь.

К счастью...

И потому хозяин Тиллона, лорд Виман Бэйлонд, решил заручиться помощью Ордена, а не терять время напрасно на стражу и своих рыцарей, среди которых, по всей видимости, не нашлось добровольцев.

Убийца не оставлял следов. Его никто не слышал.

Стригой атакует с воздуха, планируя беззвучно на кожистых крыльях. Подобно летучей мыши, он редко касается лапами земли — лишь ставит их на жертву, чтобы слизать кровь длинным, шершавым языком.

Энаэль осмотрел оторванную голову. Левый глаз ввален, деформирован. Вокруг глазницы, на висках и скуле — неглубокие царапины.

Тварь опустилась с неба. Схватила жертву за голову. Второй лапой оперлась на плечо — на правом плече тоже видны следы когтей.

Безжизненное тело было распотрошено, чтобы высвободить как можно больше крови. Рваные раны обрамлены следами когтей — и на груди, и на изуродованном колене, и на обломке плеча.

Оторванная рука — аномалия. Так подумал бы менее опытный охотник. Но не Энаэль Брабасс. Он слишком хорошо знал повадки тварей, на которых охотился.

У некоторых предыдущих жертв тоже пропадали части тел.

Три ночи назад, когда Энаэль только отбыл из “Храма Истины” по личному распоряжению кастеляна Фауста Мелкадара, у жертвы исчезла нижняя челюсть.

Семь дней назад — похищен увесистый кусок кишок. Еще раньше — грубо оторванная ладонь.

Стригои не питаются мясом. Значит, и похищать его им незачем.

Это сбило бы с толку любого другого. Но не Брабасса.

Действовать следовало незамедлительно: Тиллонский Потрошитель должен быть обезврежен до того, как птенцы покинут гнездо.

Лорд Виман Бейлонд — хозяин Тиллона и управляющий делами портового города — взыскивал пошлины с тысяч иноземных купцов и имел контракты с сотнями торговых компаний Шантии, Игиллии, Террана, Аликхары, Даз-Ремата и даже далекого Урша. Он слыл человеком чрезвычайно богатым.

Возглавляя десятки торговых гильдий Тиллона и окрестностей, лорд Виман ни в чем не нуждался и мог позволить себе назначить достойную награду за голову Тиллонского Потрошителя — кем бы тот ни был.

Но тысяча золотых адександрисских солидов оставалась невостребованной.

Никто из местных не отважился прочесать прибрежные скалы или северный лес в поисках монстра.

Впрочем, награда недолго оставалась без претендентов.

Энаэль Брабасс, истребитель чудовищ из Ордо Терминус, был ярым поборником Истины и верным слугой Ордена. Но он не чурался наград и считал, что всякое ремесло должно быть оплачено — тем более столь опасное, как его.

Лорд Виман оправдал свою репутацию щедрого нанимателя.

Он пообещал, помимо отчислений в пользу Ордена, еще сотню золотых солидов в доверок к ранее обещанной тысяче, лично Энаэлю Брабассу — при условии, что тот вернется живым, с головой Тиллонского зверя.

Лорд Виман был настолько любезен, что, помимо обещанного золота, снарядил с Энаэлем еще троих.

Двоих солдат — в мутных, затертых шапелях и старых хауберках, посаженных на весла. И старого наемника — в кольчуге, с горшковидным круглым шлемом, тронутым ржавчиной и солью.

Трое что-то болтали между собой. Энаэль не слушал.

Он вообще не любил разговоров. Особенно со случайными попутчиками.

Разговор порождает привычку. Привычка — слабость. А к утру кто-нибудь из них, вполне возможно, погибнет.

Незачем узнавать друг друга ближе. Безликие — не вызывают сожаления.

Он молча смотрел вперед. Скалы, как застывшие призраки, поднимались из моря. Они были окрашены в звездное серебро — обманчивый, мертвый свет.

Железная маска Энаэля ловила и отражала блики звезд, как и черная гладь воды, что не плескалась — дышала, глубоко и глухо.

Ветер обвивал лодку, холодный, как забвение. Сквозь него слышались только резкие вздохи весел и неторопливый скрежет кольчуг.

Ночь молчала. И Энаэль молчал вместе с ней.

— Ты бы видел, как она на меня глядела, — протянул первый солдат, на веслах, лениво перекладывая руки. — Глазки как сливки, грудь — будь здоров. Сказала бы еще слово — и осталась бы без юбки.

— Ха, — хмыкнул второй, чуть моложе, — ты про ту, с трактирной стойки? Которая тебе в ухо зевнула и плюнула в пиво?

— Ну, бывает, — не смутился первый. — Не у всех вкусы тонкие.

— Не у всех? Да ты ей нравился, как мне нравятся копать сортиры.

— У тебя вкуса нет, вот и все, — фыркнул первый и, повернув голову, бросил: — А ты чего молчишь, железный? На баб совсем не глядишь, что ли? Или по книгам балдеешь, а?

Молчание. Только тихий всплеск весел и хриплый шорох кольчуги.

— Эй, железный, — уже громче сказал старый наемник, что сидел позади, крутя на пальце железное кольцо. — Ты хоть скажи, как тебя звать-то. А то неудобно как-то: в одной лодке, а даже не представились. Я — Варт. Эти — сами не знают, кто. А ты кто?

Энаэль не шевельнулся. Ни слова. Ни взгляда.

Только напряжённая тишина его фигуры, как будто он был частью этой лодки, закованной в сталь и ночь.

— Да ладно вам, — усмехнулся второй. — Он же инквизитор. У них все на молчании и страхе держится. Скажешь слово — и ты уже еретик.

— Может, язык отрезан, — предположил первый, — а на лице та маска, чтобы слюни не капали.

— А может, — медленно сказал Варт, — он просто знает, куда мы плывем, и не хочет тратить дыхание зря.

Они замолкли на минуту. Где-то среди скал прокричала ночная птица. Или не птица.

Лодка кралась медленно, как нож между ребер. Энаэль все так же неподвижно смотрел вперед. В глаза скалам. В черные щели пещер.

Энаэль заметил его раньше других.

Тиллонский Потрошитель выскользнул из норы, как тень, оторванная от мира. Мышиная шерсть блестела под лунным светом, а кожистые крылья дрожали от напряжения, словно жаждали взмыть в небо. Существо было все в движении — извивалось, ползло, карабкалось, будто мир слишком медленный, и оно рвется вырваться вперед.

Лодка замерла. И воздух в ней — тоже.

Пока не раздался первый еле слышный вдох. Потом второй. Кто-то выдохнул — как будто ударили в кожаный бурдюк. Еще секунда — и лодка наполнилась ахами и суетливым страхом.

Энаэль не повернул головы. Только поднял руку — коротким, четким жестом. Заткнуться. Немедленно.

Молчание упало, как камень. Даже море словно приглушилось. Только дыхание троих, прерывистое, пахнущее потом и страхом.

Тварь выпрямилась на выступе, приюхиваясь. Тупой нос дрожал, вбирая в себя ночной воздух. Потрошитель медленно повернул голову, вслушиваясь в звуки, которых не было. Ничего не заподозрил.

Карабкаясь вверх, он выбрался из тени скал, перебрался по зубчатому хребту — и взмыл в воздух. Сначала тяжело, с хриплым взмахом, будто стонала сама плоть его крыльев. Потом — быстрее, легче, как призрак над миром.

Он пронесся над берегом, раскинув тень на скалы, и направился к далеким огонькам города.

Энаэль не шевельнулся.

Он уже знал, куда пойдет тварь. И знал, что это ее последняя охота.

Берег встретил их гнилым запахом водорослей и ночной сыростью. Под скалами плескалась вода, а над головой нависала тьма, в черной глотке которой терялась пещера. Энаэль коротко кивнул — туда.

— Мы тут, — пробурчал один из солдат и остался в лодке, обняв весло, будто оно могло защитить.

Второй отводил взгляд от скал, будто надеялся, что, если не смотреть — ничего и нет.

Энаэль молча проверил снаряжение. Боевые серпы — острые, чуть изогнутые, как улыбка мясника. Кинжал с камнем душ — тускло поблескивает в ножнах за голенью. Ремни на груди — старые, обтертые, но надежные. Маленькие кармашки хранят то, что может убить или спасти. Или и то и другое. Он склонился к своему сундучку — походному, выношенному, как часть плоти. Наемник узнал его по виду — те, что носят лекари, только Энаэль был далеко не лекарь.

Изнутри — флаконы. Один из них словно дышал. Наемнику показалось, будто изнутри ползет дымок — или пар, или страх, — но он не стал спрашивать. Энаэль сунул его в набедренную сумму, затем достал факел, примотанный к внутренней крышке, и матушку — железную сферу на тонкой серебряной цепи, с травленными рунами и запахом ладана. Пристегнул ее к поясу сзади, чтобы болталась между лопаток.

— Идем, — бросил он наемнику и, не оглядываясь, двинулся к скалам.

Каменные уступы были влажны и скользки, но Энаэль двигался уверенно. Он знал, куда идет. Знал, что внутри пещеры будет узко, сыро, и пахнуть будет смертью.

Высота метров двадцать, не выше башни. Но ветер с моря делает путь предательским. Каждый шаг — как сделка с бездной: оступись, и она примет. Наемник пыхтел сзади, но не отставал.

Мысли Энаэля были отточены, как его оружие.

Тварь вышла на охоту. Найдет кого-то — шлюху на пирсе, пьяного матроса, дурака с запоздалой прогулки. Всегда кто-то есть. Всегда. Люди — легкая добыча. Особенно ночью.

Он сжал рукоять серпа на поясе. Это раздражало. Не смерть. Глупость.

Пещера приняла их тяжелым смрадом. Как если бы сама земля начала гнить изнутри. Воздух был вязким, как прогорклый жир. Факел Энаэля бросал дрожащие отблески на каменные стены — влажные, покрытые плесенью и жилками извести. Пространство не уходило вглубь — оно скорее оседало, как гнилой зуб, вниз и вбок, в натужный полукруг, где у дальней стены темнел альков.

Альков... если бы в Бездне были спальни, они выглядели бы так.

Гнездо, словно свитое из оскорблений. Ветки — черные, надломленные. Клоки мокрого тряпья. Засохшая глина. Все переплетено, склеено, свито с какой-то маниакальной настойчивостью, будто само чудовище пыталось подражать людям, и вышло... это.

Между ветвей торчали кости. Мелкие, обглоданные, словно детскими челюстями. Здесь не жрали — здесь царапали, грызли, тянули. Вон — ребро, а рядом — фаланги. Вот — запястье. А вон... рука. Целиком. Вплетенная в гнездо, как будто специально. Пальцы изогнуты, будто все еще сжимают воздух. Ниже — челюсть, с парой зубов. Ни одного целого черепа. Только обломки.

Наёмник замер в нерешительности, но Энаэль не остановился.

В гнезде... шевеление.

Зверята. Мелкие, с вылупившимися глазами, без голоса, но с раскрытыми пастьями. Шерсть клочками, кожистые перепонки, дрожащие конечности, слишком тонкие, чтобы не ломаться. Они вжимались в угол, прячась от света, от огня, от самого факта присутствия чего-то чужого.

Беззвучный крик множества ртов. Мир, в который им не следовало рождаться.

Энаэль смотрел на них без жалости. Словно на насекомых. Он понимал, что их мать вернется.

Обязательно. Он знал законы охоты. А когда вернется...

Он поправил серпы на поясе.

Цепи щелкнули, прикрепляясь к рукояткам серпов. Энаэль привычным жестом проверил натяжение — как будто привязывал к рукам саму смерть. Из сумы он достал два флакона. Стекло было горячим на ощупь, дымилось едва уловимым паром, изнутри будто что-то дышало. В одной руке — стекло. В другой — оружие.

Стригой не шла и не ползла — рухнула в пещеру, словно сама тьма решила вернуть себе утраченный кусок. Ее крылья, кожистые и местами прорванные, сложились с хрустом. Мышиная морда с перекошенным ртом и черными, словно промасленными, зрачками повернулась в их сторону. В пещере стало тесно. Стало жутко.

Она ощутила угрозу. Почуяла. Придя защищать. Но не пищу. Хищники. Угроза. Боль.

Энаэль не шелхнулся.

Он вытащил пробку из первого флакона, и свет вспыхнул — тусклый, багровый, как свет погибающей звезды. Флакон полетел по дуге — в гнездо.

Всплеск. Треск. Горение.

Саламандров яд вырвался наружу, как зверь, и впился в выводок. Зверята, не умеющие кричать, изгибались в беззвучной агонии, пока рубиновое пламя не пожрало их до самых костей. Вонь в пещере стала ужасающей.

Стригой закричал — не звуком, но телом. Она метнулась вперед — Энаэль уже швырял второй флакон.

Попадание — в морду. Яркий свет вспыхнул, и зверь дернулся, забившись в судорогах. Слепота.

А затем — сталь.

Серпы полетели вперед — вырванные цепями из хватки рук, но в следующий миг уже возвращенные.

Танец: сталь по коже, по мышцам, по сочленениям крыльев. Кровь — густая, темная, как болотная смола — брызгала по пещере, по стенам, по самому Энаэлю. Он крутился, уклонялся, уходил в кувырки, нырял под удары.

Стригой билась, хлопала крыльями, пытаясь раздавить его или сбить с ног, но Энаэль знал ее движения — предугадывал, как знающий игру заранее угадывает следующий ход.

Позади — наемник, попытался вступить в бой. Копье — в морду, в бок. Но зверь дернулся. Не вовремя.

Глухой толчок. Бок чудовища, рваные крылья, размахи — Варт пошатнулся, оступился, и тяжесть удара вынесла его из пещеры. За спиной завизжали цепи, но было поздно.

Он падал — прочь, вниз, туда, где скалы и ночь. Где море, что поглощает без следа.

Стригой, ослепленный, израненный, все еще ведомый яростью и страхом за мертвое потомство, рванулся к выходу. Его тело, огромное и изломанное, протиснулось к краю пещеры. Он ощутил запах свежего воздуха, услышал всплеск — падение. Наемник Варт, сброшенный в бойне, разбился о скалы. Его тело на мгновение мелькнуло в лунном свете — и исчезло в волнах, под крики солдат, в отчаянии разглядывающих тьму у берега.

Но стригой не успел вырваться.

Серп Брабасса, вспыхнув серебром в отблеске огня, вонзился между его лопаток. Энаэль схватил цепь обеими руками, натянул. Затрещала рвущаяся плоть. Сапоги заскользили по влажному полу, но он удержался. Он вгрызался в монстра всей своей яростью, всей холодной решимостью инквизитора.

Еще один флакон — в ладонь. Пробка сорвана большим пальцем. Метание.

Пламя вспыхнуло в полете — осветило холку, шерсть, обуглило ее, искры закружились в воздухе, как демоническое кружево. Тварь завывала без звука. Ее клыкастая пасть хрипло открылась, глаза — пустые, молочные, не видели, но чувствовали боль, страх и конец.

Она рванулась еще.

Морда высунулась из пещеры, затем плечи, грудь. И — прыжок. Последний, обреченный. Но серп все еще держался в ее спине. И за цепь все еще держался человек.

Энаэль не отпустил. Он не знал, как падать, но знал, как умирать. И если сегодня смерть должна была прийти — то не одна.

Их тела сорвались с уступа и полетели. Стригой, крылья которого несли не силу, а обугленную тряпью. И человек — обвитый цепью, упрямый, холодный, немой.

Соль, ветер, пена. И море сомкнулось.

Удар о воду был подобен грохоту расколовшейся гранитной плиты.

Никто бы не выжил, — потрясенно протянул один из солдат в лодке. Второй молчал, будто язык проглотил

от шока.

Они сидели в лодке не шелохнувшись, будто боялись потревожить серебро водной глади. Круги на воде исчезли. Будет ли рад, лорд Виман Бейлон, сэкономить тысячу золотых?

Соленая вода взметнулась фонтаном — и из нее, захлебываясь всплыл Брабасс.

Рваные ремни, дымящиеся ожоги на коже, кровь, смешанная с гарью и морской пеной.

Солдаты вздрогнули от неожиданности, отпрянув от бортов, едва не перевернув лодку. Придя в себя, помогли выбраться из воды. Один схватил под руки, другой за пояс. Плеск воды, скрежет досок под тяжестью, и вот он уже на дне судна — мокрый, окровавленный, но живой. Ни слова.

Лодка развернулась к берегу.

Они гребли, бросая взгляды — быстрые, беспокойные, полные чего-то больше страха. Они, возможно, впервые поняли, кто перед ними. Не просто человек с клинками. Не просто инквизитор. Эти взгляды не требовали слов: в них — та самая резкая тишина, которая бывает в присутствии тех, о ком ходят шепоты. "Будто и не люди они вовсе", говорят в деревнях, запинаясь. Те, кто вершит суд не во имя закона, а во имя чего-то более древнего.

Брабасс не смотрел на них. Он лежал, вцепившись в край лодки, медленно приходя в себя.

Луна уходила за тучи. Берег приближался.

Глава четвертая: Запах порчи

Таверна называлась "У очага", но со своими кривыми стенами и закопченным потолком больше напоминала утробу старого животного, которое умерло, но так и не развалилось. В ней всегда было душно, даже в прохладные вечера — запах прелого эля, сырой древесины и пота простолоудинов вьелся в каждый сучок, в каждую щель между камнями.

Где-то потрескивал огонь. Тусклые масляные лампы делали воздух еще гуще. Бесформенные тени ходили по стенам, как смутные воспоминания о чем-то злом и давно забытом.

Верракт сидел в углу, вечно темном, как будто само помещение чтит его одиночество. За потертым столом, на скрипучей лавке, чуть в тени, лицом к залу. Воротник плаща поднят, шляпа низко надвинута, подбородок — как лезвие ножа. Его видно было плохо, но он видел всех.

У ближайшего стола двое местных спорили о рыбе, что якобы сама выпрыгнула из ведра и заговорила человеческим голосом, пока третий, беззубый, клялся, что видел жену мельника в обнимку с козлом, и добавлял, что с некоторых пор у него самого молоко воняет как варево травницы Эделины. Смеялись — не громко, не весело. Пьяно и с опаской, как будто за каждое слово придется платить.

Кто-то играл на лютне нестройно, пыльной мелодией.

Дверь распахнулась.

Ворвался сквозняк. И с ним — молодой солдатик, почти мальчишка. Кожа бледная, глаза ввалившиеся. Хауберк на нем был потертый, как будто снят с мертвеца и не вычищен. Он задел плечом какого-то тучного купчишку, пробормотал извинения и нырнул к стойке, за которой стоял трактирщик — пузатый, с мясистыми руками, утирающий глиняную кружку, будто она — драгоценность. Лоб его блестел, как сало.

Солдат что-то сказал быстро и вполголоса.

Трактирщик, не поднимая взгляда, сухо кивнул в сторону тени у стены.

Солдат обернулся. Увидел Верракта. Лицо его чуть поморщилось — уважение и страх сразу. Начал продираться через густую толпу. Плечами, локтями, просачиваясь, как человек, которому внезапно стало все равно, кого он заденет.

Он остановился перед тенью, в которой сидел инквизитор. Склонился.

— Милсдарь... Инквизитор... вы должны это увидеть.

Голос дрожал, но не от страха. От чего-то другого. От возбуждения. От дурного предчувствия.

Он выпрямился, но стоял неловко, как будто ждал приказа быть выдворенным.

А Верракт медленно поднял взгляд. Свет коснулся только края его подбородка и одного глаза — холодного, как заточенный клинок.

Солдатик выскочил на улицу — пыльную, залитую поздним золотистым светом, сквозь который вился городской шум: крики торговцев, стук копыт, детский визг, лязг подвесок на лошадях. Он петлял, то ускоряясь, то замедляясь, то и дело бросая взгляды через плечо — проверяя, идет ли за ним тень, которую не каждый решился бы назвать человеком.

Эмануэль шел спокойно. Неспешно и беззвучно, будто не ступал по мостовой, а скользил. Люди отступали перед ним, как вода перед ножом.

У амбаров столпилась стража. Некоторые в кольчугах, другие в простых жилетах поверх рубаш. Рядом — чернь: местные, что всегда знают все первыми и ничего не понимают. В шуме слышались обрывки фраз, шепоты, проклятья и молитвы вперемешку.

Вирнан и Ерл, двое из стражи, узнали его. Вирнан, склонился к своему товарищу и процедил:

— Неужто и вправду прокляла, рыжая сука?..

Верракт ничего не сказал. Его шагов, казалось, не слышно, но толпа отпрянула, как от ножа. Стража поспешно расступалась, давая ему дорогу, не осмеливаясь остановить взгляд на лице. Он вошел под низкие своды склада.

Амбар пах плесенью, гнилью и странной тяжелой сладостью. Пшеница была поражена. Мешки провисли, изъеденные изнутри. А те, что разорвались, расплзлись по полу гнилыми холмами — не только зернами, но кишачными личинками. Те были чересчур большими. Полу-прозрачными. Пульсирующими. Как будто их тела медленно надувались и оседали в такт какому-то глухому дыханию.

Не разобрать: где еще хлеб, а где уже — плоть.

Верракт присел. Взял щепоть зерен с личинками. Поднес ближе. Бесстрашно, почти с нежностью, как ученый, впервые увидевший чудо. Они дернулись. Одна лопнула. Запах был... химически-животным. Как гниющее мясо в пылице.

— Ну что там, лорд Инквизитор? — рядом затоптался лорд Манрек, хозяин Виллока. — Это ведь... порча, так? Может, вам выделить людей? Может, у вас уже есть подозреваемые, а? Может ведьма?.. Я говорил, не к добру эта жара, не к добру...

Он был мужчина приятный, округлый, в широком сюртуке, из тех, кого называют "добродушными", пока они не начнут защищать свое. Сейчас он выглядел испуганным, и все время перебирал пальцы, точно считал несуществующую четку.

— Не "лорд", — поправил его Верракт, не глядя. И не ответил.

Нет. Не ведьма.

Такая порча... слишком широкая, слишком глубокая. Даже сильнейшая из тех, кого он знал, не могла бы сотворить такое незаметно.

Он выпрямился во весь рост. Медленно. Глаза скользнули по куче, по полу, по теням, по затаившим дыхание зевакам.

Он стоял неподвижно, как часовой у врат мира. Верракт не знал, что именно происходит. Но где-то в глубине сознания скреблось недоброе предчувствие.

И только подумал, глядя на личинок: «Лишь бы успели...»

Глава пятая: Черное солнце

- Даже «черных» призвали... — размышлял Тирас Анувиэль, шагавший позади всех по темному пещерному коридору.

Корвус Дантиох вел троицу, подсвечивая путь зеленоватым, фосфоресцирующим камнем, заточенным в маленькую клетку-скобу на тонкой цепочке.

- Приказ Серого Трона? — добавил Тирас.

Приказ вернуться в Храм Истины пришел совсем недавно — сразу по их прибытию в Даарваский Оплот Инквизиции. Там же до братии истребителей дошли вести, что и дочернему Ордену Черного Храма велено поднять знамена и объявить сбор.

Незаурядность происходящего придавала именно мобилизация черных храмовников.

Являясь рыцарским Орденом, присягнувшим на верность Серому Трону и разделявшим его взгляды, на деле храмовники были ничем иным, как военизированной структурой на службе Серого Трона и Архимагистра — наравне с Легионом Инквизиции.

И к мобилизации этих соединений прибегали крайне редко. На памяти Корвуса и Тираса это был единственный случай — что лишь подчеркивало неординарность и тяжесть ситуации, в которой их собирались задействовать.

- Архимагистр, - ответил Корвус, освещая глухую стену тупика, куда они зашли.

Соображения о сложности предстоящего мероприятия лишь усиливались тем, что лично Архимагистр взял все под свой контроль.

- Дерьмо... — бесцветно выругался Тирас позади троицы.

Фабий ибн ат-Сэйдун обернул к нему свое смуглое, чистое лицо уроженца Аликхара, но промолчал. В подобных случаях аликхарец всегда предпочитал не тратить слова.

Корвус Дантиох, не отрываясь от осмотра стены рукой с перстнем, блестящим в темноте красным камнем, двинулся дальше.

- Возможно...

- Да я не об этом, — уточнил Тирас, сосредоточенно глядя на ботинок, подошва которого была измарана липкой субстанцией. Пытаясь оттереть коричневую гущу, он прошаркал подошвой о камень.

- Ты уверен, что мы идем правильно? — спросил он, не переставая шаркать, следуя за Корвусом и Фабием по винтовой лестнице, уходившей на дно глубокого, рукотворного колодца.

- Я выкручу Чевашу яйца, если он нас обманул, — сказал Корвус. Точное, привлекательное лицо, обаятельная улыбка — но ни то ни другое не могло ввести в заблуждение. Угрозы Корвуса Дантиоха никогда не были просто словами.

Со дна скважины тянуло прохладной сыростью.

Чеваш был торговцем редкостями. В свое время он вызвал повышенный интерес Инквизиции: у таких купцов нередко находили опасные реликты и артефакты, привлекавшие культивистов и чернокнижников. Нередко и сами дельцы, подобные Чевашу, состояли в запретных организациях.

Некоторые, руководствуясь запретными книгами, сами создавали опасный товар, попадавший в руки колдунов. Подобные подозрения вызывал и Чеваш со своей «лавкой редкостей». Но после долгой слежки выяснилось, что предприимчивый прохиндей опасности не представляет, а все его товары — безвредные безделушки, способные впечатлить лишь несведущих глупцов. Глупость последних, впрочем, не избавляла их от внимания инквизиторов.

Позднее оказалось, что Чеваш все же имел сношения с несколькими запрещенными, а порой и опасными организациями. Но что важнее — он был готов сотрудничать с Орденом и оказался ценным осведомителем Корвуса Дантиоха.

- Прекрати шаркать! — приказал Корвус Тирасу, когда они спустились до конца лестницы, уходящей под воду.

- Вода. Колодец затоплен, — произнес Тирас очевидное. — Не сдобровать яйцам Чеваша... — Анувиэль поспешил к воде, чтобы смыть зловонную субстанцию со своего ботинка.

- Тише, — приказал Корвус, коснувшись рукой с перстнем каменной стены. Он принялся ощупывать ее, внимательно рассматривая под призрачным зеленоватым светом осветительного камня. — Нас услышат в Карнвесте и Даарвасе.

Он убрал камень в набедренную сумку и высвободил меч из ножен. Тирас крепче сжал рукоять длинного молота с искусно выкованным бойком в виде переплетающихся виноградных лоз, опутывающих камень неправильной формы.

Фабий ибн ат-Сэйдун тенью скользнул в открытый Корвусом потайной коридор. Приседая и пригибаясь,

держа над головой пару аликхарских скимитаров, он остановился у валуна, торчащего из правой стены прохода. Жестом дал понять: дальше незамеченными пройти не удастся.

В проходе было светло. Небольшой коридор примыкал к еще одному большому колодцу, с потолка которого через широкую пробоину в скальной породе струился солнечный свет.

В конце коридора, на маленьком уступе над колодцем главной залы «святилища», стояли двое. Их хламиды были подпоясаны кушаками, лица скрывали капюшоны, в руках — длинные копья.

Тирас и Корвус незаметно прошмыгнули к Фабии, чтобы лучше рассмотреть чужаков.

Стража, — догадались они.

Двое наблюдали за происходящим внизу неглубокого, но широкого колодца. Оттуда доносились заунывные песнопения. Читались заклинания.

Получив одобрение от Корвуса, Фабий, осмотревшись, начал действовать.

Пригибаясь, быстрыми, точными движениями он сократил дистанцию, подойдя к стражникам со спины.

Скимитар скользнул одному по горлу. Подсечка под ноги отправила его на пол. Второй не успел осознать, что происходит, как три коротких взмаха клинка по груди уложили его рядом.

Стражники не издали ни звука.

Фабий ибн ат-Сэйдун с лихвой оправдывал свое прозвище — Крадущийся Ужас.

Раненый в грудь стражник успел увидеть смутные черты своего убийцы, прежде чем скимитар влажно лизнул его по горлу. Второй пытался подняться, стоя на четвереньках и зажимая рукой вскрытое горло. Фабий перешагнул через заливающее все вокруг кровью, по-звериному стоящее на четвереньках тело и вогнал оба скимитара через ключицы прямо в сердце. Стражник обмяк и рухнул между ног Сэйдула, а под ним стремительно растекалась карминовая лужа.

Инквизитор поспешил отойти от трупов, чтобы не замарать мягкую обувь кровью.

- Предвестники Черного Солнца, — произнес Корвус, когда он и Тирас приблизились к краю зачищенного аликхарцем уступа, откуда открывался вид на то, что происходило на дне черной залы.

В центре круглой залы, на высоте в шесть метров над полом из черного оникса, возвышался черный обелиск. Его шпиль из неизвестного камня указывал прямо в центр пролома в купольном своде. Зала, если и не была рукотворной, то явно была облагорожена — но почерк строителей не походил ни на один из известных цивилизаций.

Шесть прямоугольных полу-арок тянулись по глянцевым стенам к природному, скалистому своду пещеры с пробоиной в центре. На арках виднелись символы, которые отсюда рассмотреть было невозможно.

В центре зала, вокруг черного пилона, стояли пятеро жрецов культа Черного Солнца. Они воздевали руки к острию обелиска и читали запретные псалмы. Ничего хорошего эти песнопения не сулили.

Они были облачены в черно-красные широкополые плащи: подола, рукава и оборки хламид были покрыты красными сгиглами языка демонов, а на спинах чернел темно-багровый знак солнца.

Сэйдул оглядел залу. На уступах, примыкающих к колодцу-святилищу, он заметил еще стражников, наблюдающих за жрецами. А после, подобно хищной птице, вспорхнул с уступа, пуская перед собой метательные ножи. Стражники, до которых он мог достать летящими клинками, не успели даже увидеть своего убийцу.

Один из жрецов, содрогаясь после каждого удара метательных ножей, пошатнулся. Ноги отказали, и он сполз на пол, пытаясь ухватиться за черный обелиск.

Остальные на мгновение опешили, и этого замешательства хватило.

Тирас Анувиэль и Корвус Дантиох прыгнули с уступа, сократили дистанцию и атаковали ближайших жрецов Черного Солнца.

Жрец отскочил от удара Тираса, но молотобоец Серого Трона, провернув молот над головой, нанес сокрушительный удар под ноги противнику. Удар подбросил жреца в воздух, заставил его перекувырнуться и тяжело рухнуть к ногам инквизитора.

Молот снова прогудел над головой Тираса Анувиэля — и с влажным всплеском разлетающихся мозгов, крови и костей обрушился на пол, где мгновение назад находилась голова колдуна.

Фабий кружил между наступающими стражами, все прибывающими в залу с уступов и темных примыкающих проходов. Позади него, зажимая кровотокающую рану на шее, шатался один из раненных противников.

Орудя скимитарами, он сек противников, как жнец пшеницу. Его движения были быстры и точны: клинки находили артерии и сухожилия, валя врагов на залитый кровью пол.

Противники скользили на камне, облегчая работу смертоносных клинков Фабия ибн ат-Сэйдула.

Один из жрецов выставил руки вперед, тщетно пытаясь остановить надвигающегося Корвуса Дантиоха. Два коротких шага — и взмах меча оборвал его попытку. Жрец темного культа рухнул к ногам инквизитора, закованных в стальные наголенники, покрытые сегментами белой эмали и золочеными терновыми лозами.

Колдун, еще живой, смотрел на истребителя искаженным, изуродованным скверной лицом. Одна его сторона сохранила человеческие черты, другая же была обезображена чуждой мутацией: глаз двигался рывками, рот искажался в судорожных движениях, будто неведомая сущность пыталась вырваться наружу.

Ответом стал стремительный взмах Дантиоха, разом прекративший это безмолвное моление.

Трое оставшихся колдунов бросились бежать.

Тирас и Корвус устремились за ними, пока Фабий в кровавом, но пугающе выверенном танце продолжал сдерживать напор стражников, заливая черную залу следами боя.

Дантиох сбил одного из беглецов с ног. Проскочив по инерции вперед, он мгновенно развернулся, дернул жреца за волосы, лишая равновесия, и распластал на полу, не оставив тому шанса подняться. Короткая серия точных ударов кинжала в шею — и сопротивление прекратилось.

Не обращая внимания на судорожно дергающееся тело, мимо Корвуса пронесся Тирас, продолжая преследование бегущих.

Под ударом молота хрустнул позвоночник. Ноги жреца подкосились, и он тяжело рухнул на колени, уже не чувствуя ни рук, ни ног. Анувиэль шаркнул подошвой по полу, разворачиваясь, — и гудящий молот завершил дело, ударом отбросив тело в тьму коридора.

Последний жрец резко развернулся и сделал отталкивающий жест, будто отбрасывая невидимую преграду. В инквизиторов рванулись обломки полуколонн, вырванные из стен.

- За спину! - молниеносно среагировал Корвус.

Он резко остановился, припал на колени и выставил вперед меч, оперев его в камень. Фиолетовое свечение внутри перстня вспыхнуло ярче, будто сила внутри камня на мгновение попыталась вырваться наружу.

Обломки, летевшие в сторону Истребителей, чудесным образом изменили траекторию, обойдя Корвуса и скрывшихся за его спиной Тираса и Фабия.

- Двое из них коснулись Бездны, — посчитал нужным предупредить Корвус.

- Заметил, — мрачно подтвердил Анувиэль.

Лицо последнего жреца было искажено мутацией. В одной глазнице теснились несколько глаз, кожа подбородка была покрыта полупрозрачной, змеиной чешуёй. Правая рука на глазах инквизиторов начала неестественно меняться, вытягиваясь и принимая чуждую форму, больше напоминающую лапу существа из кошмаров.

Метательные ножи Фабия с глухим стуком вонзились в тело чернокнижника, но тот лишь пошатнулся.

Корвус стремительным рывком оказался рядом. Его меч вошел в грудь противника — туда, где должно было биться сердце. Дантиох шагнул в сторону, полуоборотом высвобождая клинок и открывая путь для удара Тираса.

Молот опустился. Позвонки хрустнули, и голова жреца неестественно откинулась назад.

Колдун попятился, но не упал, несмотря на смертельные раны и сломанную шею.

- Он одержим, — процедил Фабий, делая несколько осторожных шагов назад.

Из залы позади них все еще доносились стоны недобитых, но смертельно раненных стражников культа.

Корвус быстро ослабил дуги захвата на яблоке эфеса меча и поместил туда фиолетовый кристалл камня душ. Стянул захваты, надежно закрепив его на месте.

Тирас сделал то же самое — вставил кристалл в гнездо на древке своего молота.

Голова жреца с сухим хрустом костей вернулась на место. В его руках, словно сотканный из самой энергии Пустоты, забрезжил черный скимитар.

Инквизиторы смогли разглядеть лицо врага. Человеческая сторона, не тронутая скверной Бездны, была искажена страданием; единственный человеческий глаз смотрел с болью и безысходной тоской.

Трехглазая же половина преобразилась окончательно — в ней проступило неумолимое, зловещее, демоническое.

Демон в теле колдуна взмахнул свободной рукой, и Тираса Анувиэля сбilo с ног плотным сгустком дымной, фиолетовой энергии.

Молотобоец рухнул на камень. Медальон с голубоватым кристаллом на его груди вспыхнул изнутри, будто молния оказалась заперта в камне, — и смертоносная энергия демонической магии была поглощена.

Магический амулет защищал от темной силы Пустоты.

Демон, захвативший тело жреца, осознал, что прямые атаки на инквизиторов не возымеют результата, и сменил тактику.

Новый сгусток фиолетовой энергии был направлен не на противников.

Ониксовая балка едва заметно завибрировала — и в следующий миг разлетелась сотней острых осколков.

Окольцованная рука Корвуса Дантиоха, сжимающая меч, рванулась навстречу летящему граду каменного крошева. В красном камне перстня бушевало пламя, разрастаясь и беснуясь, словно шторм, заточенный в рубине. Иначе как чудом нельзя было назвать то, что ни один из острых черных осколков оникса не поразил Корвуса. Будто неведомая сила распростерла над ним спасительный покров.

Фабия ибн ат-Сэйдунла сбило с ног снопом каменных осколков, застрявших в шелковых одеяниях и прочной кольчуге аликхарца.

Тираса Анувиэля оникс хлестко ударил по стальным латам, оцарапал незащищенное лицо и рассек мочку уха. Крупный осколок угодил в сочленение доспехов под правым коленом — Тирас потерял равновесие и рухнул на камень, опершись левой рукой о пол.

Не давая инквизиторам перевести дух, жрец отвел правую, когтистую руку за спину и повел ею вперед — жестом, будто загребая в лицо противникам невидимую волну.

Воздух вокруг демонической длани задрожал раскаленным маревом и начал собираться светящимися фиолетовыми складками, формируя новый сгусток губительной энергии.

Два кинжала с зелеными камнями неправильной формы в яблоках эфесов, брошенные раненым Фабием, ужалили демона в грудь.

- Он обрушит на нас свод! — прокричал Корвус, срываясь с полуприседа, словно сжатая до предела пружина.

Кольценосец не дал твари нанести следующий удар. Он сблизился, и их клинки столкнулись, выбив сноп искр. Фиолетовая буря металась глубокой воронкой внутри багряного, бездонного камня в перстне рыцаря-истребителя.

- Чую собрата... - протянул демон, хищно усмехаясь прямо в лицо Корвусу.

Инквизитор отразил два быстрых, рассекающих воздух удара, извернулся, пытаясь обмануть тварь Бездны. Но демонический скимитар остановил его меч в считанных дюймах от чешуйчатой шеи противника.

В этот миг поднялся Тирас.

Сокрушительный удар молота, в котором был вкован осколок демонического оружия, обрушился сбоку, лишив колдуна опоры. Демон пошатнулся.

Меч Корвуса описал безупречную дугу.

Черный скимитар рассыпался осколками, следом была отсечена искаженная скверной рука, а затем и обезображенная голова.

Камни душ на мгновение вспыхнули ярким свечением, подтверждая: душа демона не была исторгнута из одержимого тела и не возвращена в Пустоту — ослабшей и израненной.

Судьба демона, вставшего на пути рыцарей-истребителей Инквизиции, оказалась стократ страшнее. Его сущность была разорвана и разделена между камнями душ в оружии Корвуса Дантиоха и Тираса Анувиэля — там, где ей суждено пребывать в вечном, беспомощном заточении.

Обезглавленное тело более не несло в себе ничего демонического, если не считать уродливых следов мутаций, оставленных скверной.

Корвус осмотрел складки хламиды жреца и извлек оттуда то, ради чего они сюда пришли. Серебристую сферу, покрытую прожилками и углублениями. Их структура явно указывала на предназначение, о котором предстояло судить Ордо Артифакторум — так же, как и о черном пилоне в зале позади.

Рыцари-истребители знали: Инквизиции известно еще о нескольких подобных обелисках, обнаруженных в самых потаенных и безлюдных местах. И также было известно, что к черным обелискам Предвестники Черного Солнца испытывают особый, тревожный интерес.

- Лорд Тэассарон наверняка захочет увидеть это своими глазами, — произнес Фабий, задрав голову на черный обелиск, возвышающийся в центре залы.

Глава шестая: Страж и Пастор

Город жил в тревожной тишине, сквозь которую все чаще проступал сдержанный голод — еще не голод в прямом смысле, но его тень. Торговые лавки открывались все реже и закрывались раньше. Прилавки сиротливо пустели: капуста по завышенной цене, черствые лепешки, связки вялого лука. Все уходило вмиг. Люди скупали то, что прежде презирали. Даже гнилую чечевицу брали — «на потом». На перекрестках перебрасывались слухами, будто зерно не просто портится — оно мертвеет, будто земля, идущая в недра, гниет сама по себе.

Эмануэль шел медленно, чуть поводя взглядом, как охотник, вышедший на утреннюю тропу. Он замечал все.

У булочной, что вчера еще держалась, сегодня уже висел замок. Табличка «будет мука — будет хлеб» качалась в пыльном окне. В лавке специй — пусто. В мясной лавке мясо — разве что в рассказах. Старуха, торгующая сушеной рыбой, теперь продавала только соль и оправдывалась, будто оправдывалась перед судом.

Лица. Усталые, впалые. Больше женщин, чем мужчин. Больше детей, чем смеха. Люди ходили с мешками и мешочками, с пустыми корзинами, в надежде на чудо. Надежда — она еще держалась, но шла на убыль. И вместе с ней убывал город.

Но был один остров, где надежда кипела, как жирный суп — церковная площадь.

Паства росла. Невзгоды крепили веру, как ветер крепит корни дереву. На храмовых ступенях — столпотворение. Люди шли к Свету — кто за утешением, кто за похлебкой. Иная душа приходит с молитвой, иная — с пустой миской, но все равно склоняет голову.

Перед храмом раздавали горячую похлебку, хлеб, вино. Сотни протянутых рук. Голоса. Шепот. Молитвы.

Стража окружила площадь полукольцом. Стояли, бесстрастные, словно бронзовые изваяния. Но один из них — молодой, с торчащими ушами — жевал хлебную горбушку, ту самую, что только что дали старику перед ним. Жевал медленно. Глаза бегали по толпе. И, кажется, стыдились. Но жевал.

На ступенях — пастор. В бело-золотом, как и полагается служителю Света. Голос его взмывал над головами, пламенный, обволакивающий, как благовоние.

- Свет Элиона не отвернулся от Виллока! - провозглашал он. - Он лишь испытывает вашу стойкость! Будьте сильны, не преломляйтесь — и Элион снизойдет. Он насытит голодных и напоит жаждущих! Ибо жаждущий, идущий к Свету, не уйдет с пустыми руками.

Толпа внимала, кивала, ела.

А Эмануэль Веракт стоял в тени, облокотившись на угол дома, чья стена примыкала к площади. Он смотрел — внимательно, холодно, чуждо. Словно смотрел не на людей, а на механизм. Сборный. Ломающийся.

Пренебрежение скользило по его взгляду, как тень облака по пыльной улице.

Пища под молитву, вера под похлебку...

Толпа колыхалась, как густое тесто, вздутое паром веры и дешевой похлебки. Но движение в ее толще выдало кого-то непростого. Эмануэль заметил первым — как всегда.

Гвидо Ансаранда тяжело спутать с кем-то иным.

Высокий, жилистый, как обтесанный бурей утес. Ход его был прям, взгляд — прямее. Суровое лицо покрывала жесткая щетина, и хоть в волосах уже начинал поблескивать снег, перец в бороде пока побеждал. Усталость, накопленная годами службы, придавала ему вес — вес не тела, а присутствия. Он шел сквозь народ, и народ отступал, как отступают от огня, даже не осознавая.

На нем был выцветший плащ, в складках которого затаилась пыль дорог. Под ним — кольчуга, потемневшая от пота, от дождей, от времени. У бедра — меч. Не церемониальный,

рабочий, с потертым эфесом. Ансаранд шел к храму, туда, где пастор по-прежнему заливался в голос — уже не столь вдохновенно, но по привычке.

Эмануэль, стоящий в тени, отлепился от стены, как нож от застывшего сала. Точно, решительно — вошел в толпу, как лезвие в мясо. Без лишней силы, но с давлением. Люди уступали дорогу: кто просто по наитию, кто узнав в нем человека не из толпы.

Он пробирался сквозь тела, к храмовым ступеням. К двум целям: пастору и Ансаранду.

Проповедь подходила к концу. Последние слова пастора были, как и ожидалось, пустой мишурой:

- И да снизойдет Свет Элиона, да принесет вам и плод, и зерно, и воду, и... да пребудет с вами!

Толпа вяло ответила "да пребудет", с полными животами, но пустыми глазами.

Дарион Ансейон уже сворачивал мантию, пожимал руки — кому-то из прихожан, стражнику, Ансаранду. Эмануэль заметил короткий взгляд, брошенный между пастором и командиром. Быстрый. Неоднозначный.

И они скрылись за церковной дверью.

Массивные створки со скрипом сомкнулись, отгородив разговор важный, возможно — опасный.

Верракт остановился у подножия ступеней. Его плащ был недвижим. Но внутри — всё шевелилось.

Храм, как корабль, плыл в полумраке, тяжелый, древний, пахнувший воском, старым деревом и камнем. Высокие своды, как купол небес, гасили звуки, глушили шаги. Верракт вошел, не спеша и не скрываясь, но не проронив ни слова. Он был здесь. И пусть это заметят — когда станет нужно.

Гул голосов под сводами — смазанный, будто из-под воды. Но ухо Эмануэля ловило суть. Он не слышал слов — он чувствовал смысл.

- ...положение хуже, чем думает лорд, — голос Гвидо, хриплый, но сдержанный.

- ...люди требуют хлеба, пастор. Они ждут. А склады пусты. Слухи множатся. Они... не простят. Ни нам. Ни Манреку.

- ...Свет не оставил Виллок, — успокаивающе и, казалось, слишком мягко сказал Ансейон. - Мы уже обратились к Александрискому кардиналу. Слово о беде послано. Из других приходов придет помощь. Мы все удержим. Лицо Манрека будет спасено. А с ним — и город.

- Да защитит нас Свет, — прошептал Гвидо, почти машинально, как заученную молитву.

Верракт стоял в полутени колонн, в нескольких шагах от них. Они не заметили его, или сделали вид, что не заметили. Он не шелохнулся, только в глазах его зажглась неприязнь к этим утешениям. Как к воде, что стекает по камню — влажно, но не питает. Он знал, Свет может быть щитом, но и дымовой завесой.

А в мешках с зерном — копошатся личинки. И вера не вытравит их. Только сталь. Или что-то хуже.

Пастор шагнул вперед, мягкой улыбкой гасил неловкость — или пытался.

- Снова, любопытство? — произнес с благочестивым легким укором, - или ваша душа, наконец, ищет Света?

Эмануэль не поднял головы сразу, лишь медленно ступил ближе, словно обдумывая, отвечать ли вообще.

- Любопытство... часть моей работы, - ответил наконец, и холод в голосе был тонким, ровным, как острье ножа.

Гвидо стоял чуть в стороне, суровый и прямой, как меч, воткнутый в землю. Приветственный кивок — ничего лишнего. Верракт обратился к нему краткими, четкими вопросами: о толпе, о требованиях, о слухах. Командир отвечал так же коротко. Слова его были прямыми, но тревога сквозила меж строк:

- Люди на пределе. Одни шепчут про порчу, другие про ведьму... Пшеница гниет, а они все видят. Лорд держится, но... если сегодня хлеба не станет, завтра они подожгут склады.

Дарион Ансейон слушал, сложив руки, словно в молитве, но Эмануэль знал: это не мольба — это поза власти. Так священники прикрываются миром, пока говорят от имени Бога.

Эмануэль не перебивал. Только стоял с опущенным взглядом, будто бы отрешенный — и все же впитывал каждое слово, каждый оттенок, каждый страх.

Богам — божественное. Лордам — человеческое.

И все чаще одно и то же гниет под коркой приличия.

Манрек борется за лицо - не за правду, не за жизнь. Церковь льет вино в чашу - и в чью, разве это важно? Пастор и лорд, как два каната, натянутых над пропастью. И толпа — тяжелый груз, который может оборвать один из них.

Эмануэль понимал: они оба правы. И оба слепы. Спасают город — каждый по-своему. Вот так, — подумал Верракт, — и вертится мир.

Лорды и церковь делят власть, словно падшую тушу, каждый уверенный, что именно ему принадлежит лучший кусок. И тот еще вопрос — чья власть благочестивей. У чьих рук меньше грязи: у тех, кто носит кольца, или у тех, кто носит символы веры?

Толпа тем временем шумела за церковными дверями, смещалась, ворочалась, как единый организм — голодный, раздраженный, непредсказуемый.

Мудрость толпы...

Верракт позволил себе тень усмешки, тонкую, неразличимую для окружающих.

Мудрость толпы измеряется только содержимым ее желудка. Опустеет — и толпа становится зверем.

Поймет, что ее накормили обещаниями, а не хлебом — и зверь начнет рвать.

Он вновь поднял глаза, наблюдая за Дарионом и Гвидо, что все еще обменивались короткими фразами, политическими, пустыми, пропитанными тревогой и тяжким долгом.

Верракт стоял немного в стороне, но достаточно близко, чтобы его присутствие было для них напоминанием — о реальности под сводами храма. О реальном судье, который не сносит мантий, не слушает проповедей и не просит политической поддержки.

Верракт сказал тихо, так, будто рассуждал вслух:

- Голод не выбирает, кому служить. Ни Свету, ни Манреку.

Пастор обернулся, пытаясь уловить в словах смысл. Но смысл был не для него. Гвидо кивнул едва заметно — понимал лучше.

Эмануэль побрел назад, в тень колонны, и покосился на толпу, где жующие хлеб стражники невольно подтверждали его мысль. Где женщины прижимали к груди пиалу с похлебкой, будто это было благословение, а не хитро вымеренное милосердие.

Ничто не укрепляет веру так сильно, как пустой живот. И ничто так не ломает порядок.

Глава седьмая: Сын песков

Четыре года назад.

Песок лежал, как свиток веков, распахнутый под солнцем. Не злобный — нет, но безмолвный, величественный, хранящий дыхание древности. Ветер шел по нему, словно странник, знающий дорогу лучше всех карт и звезд, и каждая дюна поднималась, как застывшая волна — остаток забытого моря, чьи воды испарились, оставив лишь память о себе в очертаниях песчаных гряд.

Здесь не было смерти — только вечность. Камни, потрескавшиеся от зноя, напоминали старые алтари, у которых когда-то возносились молитвы. Никто уже не помнил имен тех, кто их строил, но каждый порыв ветра звучал, будто отголосок песнопений, когда-то обращенных к богам, что давно ушли за горизонт времени.

Солнце стояло в зените, как древний страж. Воздух был густ от жара и от памяти, а над песками колыхался маревом сон древних империй — тех, что возводили города из слоновой кости и золота, а теперь спят под толщей дюн, как под мягким саваном.

Но пустыня не была безжизненной. В редких оазисах журчала вода — тихо, как речь мудреца, прошедшего сотни лет. Ветви пальм склонялись над прозрачными зеркалами источников, где не отражалось ничего лишнего — только небо и вечность.

И потому каждый, кто ступал сюда, чувствовал не страх, а благоговение. Как будто входил не в землю, а в память о мире. В легенду, которая не нуждается в рассказчике.

Но пустыня не только помнила — она берегла. Под её зыбкими саванами спали города, где купцы мерили золото на вес звезд, а цари воздвигали дворцы из мрамора и меданого камня. Все это ушло под песок — то ли под тенью сабель, то ли под сухим дыханием времени, которое не знает ни жалости, ни промедления.

Где-то под этими дюнами покоятся амфоры, полные благовоний, и кости павших воинов, что мечтали о славе, но стали притчей о тщетности. И все же — сокровища тех эпох зовут, манят, сверкают в миражах, обещая богатство тем, кто осмелится шагнуть туда, где звезды ближе, чем вода.

На фоне закатного марева, словно ожившие строки из древней баллады, движется отряд — всего с полдюжины всадников. Их тюрбаны белы, как соль, и в них свернуты судьбы людей, привыкших к солнцу, песку и вечности. Смуглые лица спокойны, лишь глаза блестят под бровями — черные, внимательные, как сталь клинков на поясе. На плечах — легкие плащи, у подножий седел — кувшины с водой, охраняемые строже золота.

Скакуны их поджары, выносливы, будто сами рождены ветром пустыни. Песок не поднимается под их копытами — только мягко вздыхает. В хвосте отряда медленно шагают два верблюда: упрямые хранители обоза, несущие меха с водой, свернутые ткани, и, может быть, — кто знает — ту самую шкатулку, найденную под рухнувшим обелиском, где песок еще пахнет ладаном.

Идут без слов. В пустыне слова излишни — они рассыпаются, как пепел. Только звон упряжи, редкое ржание коня, да мерное дыхание ветра, что обвивает всадников, будто древний рассказчик, шепчущий имена павших империй.

Здесь каждый шаг — как песня, каждый взгляд — как молитва. А впереди, за дрожащим воздухом, ждет не мираж, но испытание: воля человека против памяти вечности.

Пальмы склонялись над водой, отражая в серебристом зеркале свои тонкие силуэты, будто сами любовались тишиной. Воздух был густ от запаха фиников, прелой травы и свежей влаги — редкой, как золото. Птицы — алые, лазурные, изумрудные — щебетали на ветвях, перелетая от пальмы к пальме, а у берега неторопливо бродили белые цапли, осторожно переставляя длинные ноги.

Коней расседлали. Их мокрые бока блестели в лучах солнца, а морды погружались в воду, нарушая гладь мягким шорохом. Верблюды молча пережевывали корм у тени пальм, лениво моргая длинными ресницами.

Люди отряда сидели на коврах, пили терпкий чай, заваренный с мятой и полынью, — ароматный и горьковатый, как сама жизнь под небом Султаната.

Фарукх ибн ат Сейдул, обвязанный широким шелковым поясом, из которого выглядывали рукояти двух скимитаров, присел ближе к воде. Его лицо, обожженное солнцем, хранило спокойствие человека, видевшего смерть, но не полюбившего ее. Он наполнил флягу и сказал:

- Это последний безопасный оазис. Дальше — только ветер и песок.

- Воду нужно беречь, — отозвался Рахим аль-Мансур, молчаливый лучник, точивший наконечник стрелы.

- Да будет тебе, — лениво отмахнулся Фардж ибн ат Мантар, мужчина с косой, перехваченной кожаным шнурком. - До ночи доберемся. К звездам будем ближе, чем к змеям.

- Далеко еще? — спросил юный Саид ат-Дирим, самый младший в отряде. Он только недавно вышел из портов Аликхары, еще не потерял удивления перед миром.

Имрат ат Айюл, седой, но прямой, как меч, ответил, не поднимая взгляда:

- К ночи должны успеть. Не думаю, что вода успеет кончиться, - он улыбнулся - широко, белозубо, будто сам знал тайну всех миражей пустыни.

- Ты уверен, что там есть чем поживиться? — спросил Фарукх, встряхивая мех с водой.

Имрат прищурился, глаза его блеснули.

- В царских гробницах всегда есть чем поживиться. Манускрипт гласит, что Теффера упокоили с драгоценностями со всего его царства. Три дня и три ночи тысячи рабов несли золото, слоновую кость, амфоры с ладаном и рубины величиной с ноготь. А потом их замуровали вместе с царем. — Он сделал паузу, глядя вдаль, туда, где пески начинали дрожать от жары. - Говорят, что до сих пор ночью слышен звон цепей.

Фарукх фыркнул:

- Говорят... Много чего говорят.

- Не все пустые слова, — вмешался Фардж. - В тех землях живут твари, куда опаснее джинов.

- Джины хотя бы разговаривают, — пробормотал Рахим, перекладывая стрелы. — Эти не знают языка, кроме крика.

Саид прислушался, глядя на старшего.

- Ты видел их?

Имрат улыбнулся уголком губ.

- Видел, - ответил он спокойно. - Или, может, это пустыня так шутит. Она любит проверять сердце человека.

Повисла короткая тишина. Ветер зашевелил пальмовые листья, словно подтверждая его слова.

- Все, что зарыто под песком, имеет цену, — сказал наконец Фарукх, наливая остаток чая. — Но иногда эту цену платят не золотом.

- Тогда не будем торопиться ее узнавать, - усмехнулся Имрат, вставая. Его силуэт отразился в воде, словно тень другого человека - древнего, из тех времен, когда царей хоронили в песках с пением и страхом.

- Оседлайте коней. Пока солнце не легло. Пустыня ждет нас - а она не любит опоздавших.

Солнце висело в небе, словно раскаленная монета, оставленная на ладони богов. Воздух дрожал, песок пел под копытами - глухо, устало. Барханы двигались медленно, почти незаметно, и все же за час меняли облик, будто сама пустыня дышала, меняя свое лицо.

Между дюн струились следы скорпионов, тонкие, как письма — будто кто-то записывал историю мира на зыбкой поверхности. В вышине кружил пустынный орел, чертя круги над караваном, — терпеливо, с достоинством охотника, что не спешит к добыче.

Отряд шел в молчании, пока Фардж ибн ат Мантар, прикрыв глаза от солнца, не сказал:

- В Аликхаре нынче снова открыли южные ворота. Торговцы шелком возвращаются из Тира, и, говорят, пряности подорожали втрое.

- Все дорожает, - буркнул Рахим аль-Мансур. - Кроме рабской работы и воды.

- И слов, - добавил Саид с улыбкой, поправляя поводья. - Слова там дешевы, как песок. Каждый клянется честью, а продает даже тень от своей палатки.

Фарукх хмыкнул:

- А нам бы вернуться - да на вырученные монеты купить торговое судно. Небольшое, но свое. Возить ладан, перец, возможно — оружие.

Имрат, ехавший впереди, не обернулся, но его плечи чуть дрогнули.

- Торговля - ремесло мирных. А ты, Фарукх, вряд ли забыл, как обращаться с клинком.

- Можно и то, и другое, - усмехнулся Фарукх. — Сначала клинком, потом торгом.

- Или мумиями, - вмешался Фардж, явно желая разрядить жар разговора. - Говорят, неверные из-за Срединного моря платят за них весом в серебре. Делают из них лекарства или порошок для ритуалов. Безумцы, но платят щедро.

Рахим вскинул голову:

- За мертвецов? За высушенные тела?

- Ага, - ухмыльнулся Фардж. — Им нужны тайны древних царств, хоть бы и в обертке старой кожи.

Имрат повернул к нему лицо, на мгновение прикрыв глаза от солнца.

- Они платят за все, что зарыто в песке, - произнес он негромко, но с нажимом. - За золото, за кости, за пыль веков. Невежды. Они думают, что, купив тень, станут обладателями света.

Фарукх тихо рассмеялся, подбросив поводья.

- А разве мы не такие же, Имрат? Разве не идем за тенью царей?

- Мы идем за памятью, - спокойно ответил старик. - Но не за иллюзией. Песок кормит только тех, кто слушает его, а не тех, кто копает его.

Саид задумчиво провел взглядом по горизонту, где дюны таяли в мареве.

- А если сокровища - тоже память?

Имрат улыбнулся краем губ.

- Тогда пусть пустыня решит, кто достоин ее помнить.

И ветер, словно соглашаясь, прошелестел между всадниками, подняв легкий вихрь пыли. Барханы дрогнули, орел над ними сменил круг - как будто и он понял: эти люди идут не только за золотом, но за чем-то, что старше времени.

Солнце медленно сползло к краю мира, окрашивая дюны в бронзово-красный свет. Тени вытягивались, словно сами пески тянулись к вечеру, усталые от бесконечного дня. И вот, сквозь зыбкое марево, впереди начали проступать очертания — сперва неясные, как мираж, потом все отчетливей, пока не стало ясно: это не игра света.

Перед путниками лежал город — мертвый. Погребенный под песком, словно спрятанный мир, оберегаемый дыханием времени. От него веяло чем-то огромным и гордым, тем, что не умирает даже тогда, когда имена и языки давно стерты.

Храмовые колонны, обвалившиеся и обточенные ветром, стояли, будто кости исполинского зверя, умершего в борьбе с вечностью. На стенах - уцелевшие барельефы, покрытые налетом песка, но еще живые: на них люди с высокими венцами поднимали руки к солнцу, приносили дары, звали своих богов. Теперь же их глаза, выбитые временем, глядели пусто и молчаливо.

Статуи-хранители возвышались над барханами. Лица их были наполовину занесены песком, но величие не исчезло. Камень, потемневший от веков, все еще хранил следы резца и замысла. Их взоры были устремлены к западу — туда, где солнце тонуло в песках, словно и они наблюдали за вечным циклом гибели и возрождения.

Ветер стонал в проломах древних сводов, наполняя пространство низким, протяжным гулом. Казалось, это город сам говорит, шепчет о своем прошлом - о процессиях и факелах, о звоне бронзовых чаш, о голосах жрецов, которые когда-то будили богов утренними гимнами.

Фарукх сплюнул в сторону, чтобы скрыть невольное волнение:

Солнце опустилось еще ниже, заливая город последним светом дня. Каменные стражи отбрасывали длинные тени, и в этот миг казалось, что они шевельнулись - не живые, но все еще бдящие. Песок соскальзывал с их плеч, струился вниз, словно легкий плащ, а за ним - дыхание ночи.

Пустыня медленно закрывала свои глаза.

- Ты уверен, что здесь безопасно? - спросил Фарукх, поводя взглядом по древним каменным громадам, едва различимым в медных сумерках.

- Тебе ли страшиться песка и камней? - усмехнулся Фардж, поправляя ремень сабли и бросая взгляд на вершины статуй, чьи лица тонули в тени.

Айюл, к которому было обращено слово, не ответил. Он сидел в седле неподвижно, как один из каменных хранителей, и только глаза его, внимательные и усталые, следили за горизонтом, где догорали последние лучи солнца.

- Не пески и не камни тревожат, - наконец сказал Фарукх, спрыгивая с лошади у одной из поваленных колонн. - А то, что может спать под ними.

Ветер, словно в ответ, прошелестел по дюнам, унося с собой горсть пыли. Она закружилась в воздухе и осела прямо на свитке, который Айюл достал из сумы.

- Дождемся утра, - спокойно произнес старик. - Спускаться в гробницу ночью - не лучшая затея. Пустыня терпит многое, но тьма не любит, когда в нее вторгаются.

Он поставил свечу на обломок камня и зажег ее от кресала. Теплое пламя дрогнуло, словно не желая жить в этом месте, и мягко осветило древнюю карту - выцветшую, с жирными пятнами и отметками, сделанными рукой Айюла.

- Это — святилище солнца, - тихо сказал он, водя пальцем по линии рисунков. - Здесь были ворота, ведущие к нижнему залу. А вот - знак, похожий на круг с лучами. - Он поднял глаза. - Символ Теффера. Значит, мы не ошиблись.

Саид, присевший рядом, удивленно посмотрел на карту:

- Ты говорил, что никто не видел ее со времен падения царства.

- Почти никто, - поправил Айюл. - Но кое-кто пытался. Я слышал об отряде из Султаната. Они ушли по этой же тропе лет шесть назад. Ни один не вернулся.

Фарукх усмехнулся коротко, но без веселья:

- Приятное предвестие.

- Может, они нашли, что искали, - заметил Фардж. - Просто не захотели возвращаться.

- Или не смогли, - добавил Рахим, укладываясь у стены, где ветер был мягче.

Тишина накрыла их лагерь. Только треск свечи да редкий стук камешков, срывающихся со стен. Пахло горячим песком и древним временем.

Айюл медленно свернул карту, спрятал ее в кожаный тубус и сказал негромко:

- Откуда у тебя эта карта? - поинтересовался напоследок Фардж.

- Выменял в порту у северянина из за моря, с тремя пальцами на левой руке. Неверный похоже и не догадывался каким сокровищем потрясал возле портового кабака. Согласился отдать за медную лампу, которую мы достали из гробницы Мхетры.

Он погасил свечу, и пустыня, словно дождавшись этого, выдохнула прохладу ночи. Где-то в темноте перекликнулись птицы, а над городом вспыхнули первые звезды - холодные, как глаза тех, кто когда-то построил эти храмы.

Первый луч солнца прорезал горизонт, упал на вершины дюн и мягко скользнул вниз — на фасад древнего храма. Свет заиграл в розоватых прожилках камня, пробудив в нем отблеск живого золота, словно само утро преклонило колено перед этим местом.

Колонны, величественные и строгие, уходили ввысь, как стволы каменных деревьев, не тронутых временем. Их капители были изъедены ветром, но каждая трещина в них - словно письмена, оставленные руками богов. Песок, наметенный веками, застыл у подножия, словно не решаясь коснуться святыни полностью.

Перед входом - огромные створы дверей, занесенные до половины. Они были запечатаны, но не железом и не замком - самой пустыней. Гладкие, поросшие налетом времени, они казались неподвижными, как скалы. Никто не знал, что за ними: покой, забвение или память о царстве, имя которого давно исчезло из всех хроник.

Архитектура поражала. Не узнавалось в очертаниях ни черт Неекхары с ее обелисками и сфинксами, ни Эдалийской соразмерности и куполов. Это было нечто иное - глубже, древнее, первозданнее. Будто сам мир в юности своей воздвиг этот храм, прежде чем люди научились высекать камень.

Колоннада тонула в световой дымке, а барельефы на стенах, едва проступающие из песка, напоминали не изображения, а сны о тех, кто когда-то царствовал здесь. Лица без имен, взоры без зрачков - все дышало не памятью, а вечностью.

Пустыня молчала. Даже ветер будто затаил дыхание, глядя на каменный фасад, где утро оживляло формы, созданные в эпоху, когда солнце было юным, а песок - еще морем.

Айюл стоял неподвижно перед этими воротами, и в его глазах отражался храм - как отражается звезда в воде: далекий, непостижимый и слишком древний, чтобы понять, но невозможно — чтобы отвернуться.

Рахим и Фардж работали молча, слаженно, словно не первый раз вскрывали песчаные усыпальницы. Песок шуршал под лопатами, осыпаясь мелкой пылью, что тут же подхватывал ветер и уносил обратно, будто сама пустыня не желала расставаться со своей тайной. С каждым взмахом все больше проступала линия массивных створок, покрытых потрескавшейся позолотой и резьбой.

Фарукх стоял чуть в стороне, поднимая голову. Лучи солнца скользили по камню, открывая ему узоры, которые прежде терялись в тени. Он видел ряды символов и барельефов, глубокие, будто высеченные когтем исполина. Долгие годы путешествий и торгов научили его различать письмена разных народов, и теперь, глядя на эту резьбу, он чувствовал, как под кожей проходит холодок узнавания.

Он провел пальцем по углублениям, смахивая налипший песок.

- Урмаад... - прошептал он. - Или нечто древнее, из его корня.

Литеры, хоть и сколотые, несли в себе ритм, знакомый его глазу - тот самый, что встречался на плитах из руин Шуума и Акадеша. Но здесь - иное, первородное. Как будто язык, который позже выродился в диалекты империй, здесь был еще чист, как до рассвета речи.

- Что там написано? - спросил Айюл, не отрываясь от работы, но его голос звучал тише обычного, словно он уже чувствовал нечто, что следовало бы не знать.

Фарукх наклонился ближе, вглядываясь в рельеф. Пальцы его медленно скользили по строкам. Он читал шепотом, будто боялся потревожить сам воздух:

- Здесь... царь Теффер... владыка песков... царь змей и скорпионов... господин запада и востока... гнев его - буря... ярость - солнце... дыхание - смерть и жизнь...

Он отстранился, протирая ладонь о ткань пояса.

- Остальное затерто, - тихо добавил он. - Но похоже, это не просто гробница. Это место... для тех, кто поклонялся ему, даже после смерти.

Айюл подошел ближе, взглянул на резьбу.

- Царь змей, - повторил он задумчиво. - Значит, те истории - не просто выдумки.

Рахим, обернувшись через плечо, фыркнул:

- Истории всегда остаются историями, пока не откроешь двери.

- А потом бывает поздно, - заметил Фардж, сгребая последний слой песка. Под его руками выступила гладкая кромка каменной плиты.

Айюл шагнул вперед, посмотрел на дверь, на резные символы, что будто шевелились в лучах солнца.

- Поздно или нет, - сказал он спокойно, - но если Теффер и вправду спит за этими воротами, он давно перестал видеть сны. Теперь будем будить его память.

Фарукх глухо ответил:

- Иногда память опаснее самого сна.

И ветер, словно услышав, сорвался с барханов, завыл меж колонн, заставив песок вновь подняться вихрем - коротким, резким, как дыхание чего-то древнего, что просыпается от долгого молчания.

Узкий зал встретил их тишиной - густой, вязкой, как вековая пыль на полу.

Черный гранит стен отливал бронзовым блеском под светом факелов, а позолота, облупившаяся и потемневшая от времени, все еще хранила отблеск величия. Барельефы и письмена тянулись вдоль обеих сторон, обрамляя проход в череду сцен - жизнь и деяния царя Теффера, высеченные в камне так, будто мастера знали, что песок переживет их самих.

Вдоль стен извивались золоченые кобры, чьи глаза - некогда вставленные изумруды - теперь мерцали в отблесках пламени. Между ними, на постаментах, покоились бронзовые доспехи, щиты, копья и мечи - все это было некогда гордостью великой армии, защищавшей царство. Каменные скорпионы тянули когти к потолку, словно стремились поймать каждый луч света, а на их панцирях еще можно было различить древние руны.

Факелы дрожали в руках, бросая живые отблески на колонны, где меж узоров и письмен танцевали тени, похожие на движения процессий.

Айюл остановился, задержав взгляд на резных сценах:

Вот - юный Теффер под сенью знамен, его венчает жрец с лицом, затененном капюшоном.

Вот - шествие триумфа: слоны, арбы, золото и пленники, ведущиеся к дворцу.

Дальше - поля, где люди жнут пшеницу под надзором воинов в шлемах со змеями.

И далее - города, возведенные среди садов и фонтанов, где вода бьет из камня - редкость для земли, где властвует солнце.

Фарукх провёл пальцами по строкам над изображениями:

- «Он поднял города из песка... и даровал жизнь там, где прежде была лишь смерть».

Рахим, шагая рядом, невольно шепнул:

- Великий был человек.

- Или безумец, - ответил Фардж, выкорчевывая кинжалом изумрудный глаз одной из кобр. - Сколько крови нужно, чтобы возвести царство на костях пустыни?

Факел вспыхнул ярче, и в отсвете открылась последняя сцена.

Теффер - уже старый, но величественный, стоит на стене перед рассветом. За ним - пылающие поля, а впереди - войско, уходящее в горизонт. Под его ногами - павшие воины, скорпионы и змеи сплетаются вокруг его трона.

Фарукх остановился.

- «И когда солнце обратится вспять, - прочел он шепотом, - царь воззовет к пескам и они ответят ему».

Воздух в зале будто стал плотнее. Факелы затрещали, а где-то в глубине коридора отозвалось короткое эхо - как дыхание, вырвавшееся из самой стены.

Они шли все дальше - шаги гулко отдавались под сводами, где воздух был тяжел от времени и тишины.

Фарукх, не опуская факела, продолжал читать письма, вырезанные ровными, глубоко прорезанными чертами. Каждое слово, казалось, звучало, будто его только что произнесли голоса жрецов.

- «Города их - сожжены, реки - пересохли. Поля - пепел, и не родят более», - читал он, и в дрожащем свете оживали сцены: барельефы огня, всадников с копьями, женщин и детей, обращенных в бегство.

- «Армии их - сокрушены, владыки их - низвергнуты, и короны их легли к ногам царя песков».

Айюл молча вслушивался. На лицах его спутников то и дело пробежали тени - не от факелов, а от мыслей.

- «Смотри, - указал Фарукх, - здесь изображено, как он возводит трон из золота побежденных. Слева — те, кто ему клянется, справа - те, кого он обрек на молчание».

- Песок не помнит их имен, - сказал Рахим, проводя рукой по выбитому лицу плененного царя. Камень был стерт, словно и правда время решило забыть его.

Фарукх продолжил:

- «Он наполнил амбары до небес, и золото текло рекой. Стражи стояли у ворот, и не было голода, ни страха, ни нужды. Великая сила - под солнцем, великая тень - под землей».

Их факелы потрескивали, бросая тени на изваяния, и казалось, кобры вдоль стен шевелятся, их позолоченные тела медленно изгибаются в танце света и огня.

Вскоре стены с письменами начали сужаться, и перед ними открылся новый проем - широкий, с низкой аркой, на которой золотом выведено:

«Где свет кончается, там начинается вечность царя».

Айюл остановился.

- Похоже, - сказал он негромко, - мы подошли к воротам его вечного дворца.

Ступая по пыльному камню узкого зала, они ощущали тяжесть веков, словно сами стены тянули их вниз. Фарукх всматривался в барельефы и письма, пытаясь собрать воедино историю царства Теффера.

Города врагов, сожженные до основания; армии, разбитые и обращенные в рабство; пленники, подчиненные и выведенные из своих домов - все эти сцены были высечены в камне. И среди них - изобилие и богатство самого царя, процветание его царства. Но под роскошью - жестокость: население не знало счастья, а армия не оберегала покой подданных, а держала их в страхе, как стражи скорпионы. Его личная гвардия, приближенные и командиры, теперь покоились здесь, подле своего царя, в вечной тьме.

Фарукх поднял голову и заметил над дверью нового зала те же письма, что встречал у входа. Здесь они сохранились лучше: гравировка свежа, линии четки и резки.

Он прочел шепотом:

- Здесь заточен царь Теффер. Владыка песков Неекхары, Царь-Змей и скорпион. Бич Запада и Востока. Пробудивший, навлечет проклятие, гнев и ярость его...

Фарукх замер, дыхание перехватило тревожное предчувствие.

- Это не склеп... - произнес он, едва слышно.

Створки поддались усилиям Фарджа и Рахима. С громким скрипом и лязгом, словно сама пустыня стонала от вторжения живых в ее святилище, двери медленно отворились.

- ...это узилище, - добавил Фарукх уже шепотом, когда факелы высветили темное пространство за ними.

Перед глазами открылась огромная камера, черный гранит которой был покрыт древней позолотой, барельефы продолжали рассказывать истории о гневе, силе и власти. Вдоль стен - ряды доспехов, щитов, копий и мечей, покрытых пылью и паутиной, как молчаливые свидетели подчиненной армии. Над каждым оружием и стражем - письма, почти живые, словно шепчущие о том, что здесь царствовал не человек, а сама власть, сплетенная с яростью и страхом.

Фарукх сделал шаг внутрь, чувствуя, как холодное дыхание подземелья обвивает его шею. Узилище царя песков встречало их не тишиной склепа, а суровой, древней, живой памятью власти, которая не знала сострадания и не прощала нарушителей покоя.

Центр зала, куда только что ступили Фарукх и его спутники, встречал их тяжелым молчанием и неумолимой властью истории. Там возвышался черный обелиск, гранитный и холодный, словно поглощавший свет. Его поверхность была безмятежно гладкой, но на пьедестале зияли углубления - ровные, круглые, будто предназначенные для сфер. Их функция была явно не декоративной: ощущение строгости и предназначенности исходило от каждой линии, каждого углубления.

Факелы по бокам зала освещали золоченых скорпионов, вырезанных в камне и металле. Их глаза блестели от свечей, а тела были изысканно подвижны - механизмы, сродни автоматам, спинки которых скрывали запечатанные саркофаги. Фарукх узнал в них командиров царской гвардии - те, кто когда-то стерег царя и теперь оставался с ним в вечности.

- Тысячи, - произнес Рахим, чуть опустив голос, - потребовались, чтобы создать эту тюрьму... чтобы заточить одного человека.

- Тысячи душ, что несли самое драгоценное в «усыпальницу» царя - свою жизнь, - добавил Фардж, шагая вдоль стены. - Они молили богов об избавлении и задабривали их золотом, слоновой костью... все это - для того, чтобы один человек... вечно.

Фарукх всмотрелся в автоматы, в золото, в мерцающий металл и черный гранит:

- И теперь он здесь. Теффер. Владыка песков, царь-скорпион. Его гнев и власть... они заключены вместе с ним, но не умерли.

Тишина зала казалась плотной, почти осязаемой. Каждое движение - шаг, вздох, треск факела - отзывалось эхом среди механизмов и саркофагов. И все же, несмотря на паутину смерти и подчинения, этот зал хранил ощущение удивительной силы: власть, способная обращать в рабство целые царства, все еще покоилась здесь, чернее ночи, холоднее самого камня, готовая пробудиться при малейшем нарушении покоя.

Зал сжался вокруг них, словно сама каменная оболочка вдохнула, удерживая их в паутине тьмы и тревоги. Голос раздался снова - тяжелый, гортанный, хриплый, вибрирующий в воздухе и камне одновременно. Каждое слово, каждое дыхание отдавалось эхом, резонируя в груди, заставляя сердца биться быстрее, а мышцы - напрягаться.

Факелы дрожали, их пламя судорожно плясало на стенах, отбрасывая огромные, искаженные тени. Металл скимитаров и сабель сверкнул в отблесках, но свет казался беспомощным перед наступающей тьмой. Тишина, меж гулкого голоса и собственных шагов, делала каждый звук острым: легкий скрип бронзового доспеха, шуршание песка под ногами, скрежет камня - все становилось угрозой.

Холод, скользнувший по телу снизу живота до горла, вызывал мурашки, сжимал горло. Это было не просто чувство страха - это предчувствие чего-то древнего, неисследованного, живого и недовольного. Сердце Фарукха билось в груди, но он не мог отвести глаз от тьмы перед собой; каждый шаг в ее сторону казался одновременно и необходимым, и смертельно опасным.

Рахим натянул тетиву, стрела готова выстрелить в любую секунду, как будто сама смерть висела на волоске. Фардж держал саблю, мышцы под напряжением, взгляд — холоден и сосредоточен, готовый к мгновенной атаке. Имрат и Саид встали спина к спине, каждый покрывая тыл другого, словно живой щит.

Фарукх, сжимая скимитары, чувствовал, как рукояти дрожат в руках, но дрожь была не только от страха - она была от предвкушения. Этот звук, эти шаги, этот голос - все вместе говорило: власть, запечатанная веками, готова ответить.

И шаги по камню приближались, быстрые и точные, как если бы членистоногая тварь перебирала лапками по плитам. Их ритм был неравномерным, порывистым, словно дыхание древнего хищника, и с каждой секундой напряжение росло, сжимая их грудные клетки, делая дыхание тяжелым.

В этот момент зал перестал быть просто залом. Он превратился в арену, где каждая тень могла ожить, где каждый звук мог стать ударом, а каждый вдох - шагом к неизведанному. Власть Теффера была не только в бронзе и камне, она дышала здесь, в воздухе, и ждала, чтобы их проверить.

Темнота зала словно сжалась, и из-за черного обелиска возник силуэт - сначала лишь тень, колеблющаяся от света факелов, а затем - ужасающая, реальная, непостижимая.

Огромный скорпион, красно-золотой, с блестящими панцирными пластинами. Верхняя часть его была по пояс человеком. Его кожа была багрова, почти как закат над пустыней, а на плечах — бронзовые наплечники, украшенные змеиными мотивами. Шлем повторял форму королевской кобры, глаза которой, вырезанные из металла и инкрустированные камнями, отражали дрожащий свет факелов. Он медленно поднял клешни, каждая из которых была подобна боевому щиту. Его хвост извивался, сверкая острием.

Он говорил. Звук его голоса был гортанным, низким, глухим, словно из самой глубины древнего времени. Речь была на языке, который невозможно было понять, но который каждый в зале чувствовал всем телом: это было предупреждение, приказ, осуждение.

Фарукх сжал скимитары в руках, пальцы побелели, но взгляд не отрывался от фигуры. Даже Рахим и Фардж, привыкшие к опасности, напряглись, словно внутренне признавая: это не противник, которого можно сразить простой силой.

Незваные гости во владениях Теффера не могли рассчитывать на гостеприимство.

Скорпион медленно скользнул по каменному полу. В свете факелов золотые и красные отблески панциря и доспехов мерцали зловеще, создавая ощущение, что сам воздух сгущается и становится плотнее.

Каждый вдох... каждое движение... - подумал Фарукх, ощущая холод в животе и напряжение в плечах, — здесь все подчинено ему. Здесь никто не властен, кроме царя песков.

Тяжелая тишина наполнила зал после его слов, и только механизмы скорпионов-автоматов, саркофаги командиров и дрожащий свет факелов создавали иллюзию движения. Но теперь движение зала принадлежало только ему - ужасающему и царственному, владыке песков и скорпионов.

Скорпион дернулся вперед - рывком, столь стремительным, что воздух дрогнул от удара. Каменные стены зала эхом отразили гулкой щелчок гигантских клешней, и мгновение спустя раздался резкий треск - кости, словно тростники, переломились под чудовищным давлением.

Саид не успел вскрикнуть. Клешни сомкнулись на его поясе, хрустнули - коротко, тяжело, с жуткой окончательностью. Из его рта вырвался только глухой, рваный звук, и кровь, темная, густая, брызнула на каменные плиты. Воздух уходил из легких с хрипом, и вместе с ним - сама жизнь.

- Саид! - выкрикнул Фардж, рванулся вперед, клинок вспыхнул в свете факелов. Он обошел чудовище сбоку, стараясь нанести удар под сочленение панциря. Но царь скорпионов, этот гибрид зверя и царя, повернулся с грацией и скоростью, несвойственной его размерам. Хвост взвился, и мощным свистом рассек воздух.

Удар был как молот. Фарджа отбросило, тело ударилось о стену, о золоченую лапу автомата-саркофага. Раздался сухой треск, звук ломающегося дерева - но то были кости. Его сабля звякнула и покатила по каменному полу. Он осел, не издав ни звука.

Рахим, бледный, но не дрогнувший, натянул тетиву, выпустил стрелу - и она полетела точно в грудь чудовища. Но Теффер, величественный и незыблемый, взмахнул клешней - движение было неистовым и почти презрительным. Стрела разлетелась, ударившись о бронзу, а звук ее удара отозвался звоном, будто сама смерть рассмеялась над попыткой смертных.

Фарукх и Айюл отступали, ноги скользили по камню, зал был полон тяжелого дыхания. Факелы дрожали, пляшущие тени множили фигуры, превращая одну угрозу в десятки.

Теффер уже выпрямлялся во весь рост - человек над панцирем скорпиона поднял руку, багровую и сияющую, и древние письмена на стенах вспыхнули золотом, словно сами стены признали его власть.

Голос, рожденный из бездны времени, вновь прорезал зал - теперь он был не просто речью, а ревом бури. Каждое слово вибрировало, пробиравало до костей, и казалось, что камень под ногами дышит.

Царь-скорпион пришел в ярость, и сам воздух, казалось, стал оружием против живых.

Рев, похожий на удар грома в каменном мешке, разорвал воздух. Теффер взвился, выгибаясь, как натянутая тетива, и ударил хвостом вслепую, разнеся в щепу колонну. Каменные осколки и золотая пыль брызнули во все стороны. От вибрации дрогнули саркофаги - будто в них шевельнулись мертвые.

Факелы прыгали в руках аликхарцев, тени бегали по стенам, перемешиваясь со вспышками магического сияния. Хвост чудовища бил по колоннам, от каждого удара воздух гудел, и даже камень, казалось, жаловался.

Рахим, прячась за разрушенным саркофагом, выждал момент. Когда царь скорпионов, раскрыв клешни, попытался дотянуться до Фарукха, он выстрелил - стрела, как змей, метнулась в спину чудовищу. Бесполезно. Бронзовые пластины панциря лишь звякнули, стрела рассыпалась в щепу. Но Теффер все же обернулся - и этого мгновения хватило.

Фарукх, лицо которого покрывал пот и пыль, поднял древнее бронзовое копье, найденное у одного из саркофагов. Его дыхание стало тяжелым и коротким, мышцы ныли, но он шагнул вперед - один против царя мертвых.

Теффер замахнулся клешней, но поздно - Фарукх, вскрикнув, ударил. Все, что было в нем - сила, страх, отчаяние и древняя ярость живых перед бездушным - слилось в этом движении.

Копье вошло под лопатку, с чавкающим, влажным звуком пробило броню и вышло из груди чудовища. Из раны вырвался пар - горячий, пропитанный медным запахом. Теффер отпрянул, ударившись спиной о стену, и стены ответили гулом, будто отозвались на его боль.

Великий царь скорпионов издал звук, не похожий на крик и не на рев - скорее, как будто сам воздух вокруг него заклокотал. Древний гнев, столетиями спящий под песком, теперь бушевал в каждом его движении.

Фарукх едва удержался на ногах. В глазах плавали огненные круги. Он видел, как кровь - густая, черная, с золотыми искрами - течет по древним письменам на стенах, словно возвращая им жизнь.

И тогда Теффер поднял взгляд. Его человеческое лицо, багровое, изуродованное древней яростью, встретилось с лицом Фарукха.

- Ты... не достоин смотреть на царей... - проревел он, и голос его был, как грохот землетрясения.

Зал задрожал. Колонны треснули.

Теффер, рыча так, будто каждая нота его голоса была вырезана из камня и огня, схватил торчащее из его груди копье обеими руками. Его мышцы вздулись, сухожилия натянулись под багровой кожей.

С чавкающим треском он протянул копьё сквозь свое собственное тело, словно вырывал занозу. Бронзовое древко окрасилось густой, горячей, медно-красной кровью, и пар поднялся от пола, когда капли упали на древние плиты.

Рахим выскочил из-за колонны, лук уже натянут, взгляд прицелен - и на мгновение, лишь на один удар сердца, казалось, что люди смогут переломить бой.

Айюл, хромая, но негибкая, бросился вперед, копьё низко, как у пастуха, защищающего стадо.

Фарукх - с другой стороны, закусив губу, перехватывая бронзовый щит, готовый закончить начатое.

Но Теффер был царем по праву - быстрым, яростным, великим.

Он перехватил копьё, перевернул его в руке так, будто оно всегда было его оружием, и метнул. Древко рванулось сквозь воздух, как молния. Попало в грудь Рахима. Сталь вышла между лопаток аликхарца.

Его отбросило к дальней стене, и звук его удара о камень был глухим, словно на пол упала вещь, а не человек.

В этот миг хвост Теффера, гибкий как кнут и тяжелый как молот, ударил по ногам Имрата ибн ат Айюла.

Щелчок - словно ломали сухие ветви. Старик рухнул, не крикнув, лишь захрипел, теряя копьё из рук.

И тогда Теффер поднялся. Почти на дыбы - горой, столбом живой ярости. Его клешни растянулись в стороны, тень закрыла половину зала. Он обрушился на пол. Вся тяжесть древнего царя, вес чешуи, металла и гнева раздавили воздух.

Плиты пола треснули под его лапами. Гул пошел по залу, древний, как само это место. Фарукх остановился на полушаге, понимая: его бог, одолевший мрачных божеств древности сейчас смотрят на них. И он, подобен пророкам, коим Он даровал толику своего Света, для борьбы с ужасами Древней Ночи.

И каждый вздох может стать последним.

Фарукх остался один - один против царя, чье имя веками произносили вполголоса. Позади увлеченного схваткой царя-скорпиона, стена от боли в переломанных ногах, Айюл отползал за полуразрушенные колонны.

Свод над залой треснул, и в разломы проникал тусклый, пыльный свет пустынного солнца. Порывы ветра, пробиваясь сквозь щели, метали внутрь песок, словно сыпали в глаза смертным напоминание: все вы - пыль.

Камни скрежетом сползали с перекрытий, падали глухо, точно удары гигантских барабанов, и каждый такой удар грозил обратить зал в погребение - для них обоих.

Фарукх ат Сэйдун стал тенью среди теней.

Он мчался меж колонн, нырял за поваленные глыбы, уходил от клешней, что крушили камень как высохший хлеб.

Теффер, Царь-Скорпион, в ярости бил хвостом, шипя проклятия на своем древнем, гортанном языке. Его удары были как обвалы, каждая вспышка гнева - как землетрясение.

Он хотел крови. Хотел покорить хотя бы одного из тех, кто потревожил его вечный мрак. Но Фарукх отказывался становиться простой добычей.

Он — сын песков. Внук тех, кто слушал ветер и жил меж барханов.

Он ускользал, будто сам был частью зыбучего песка; заманивал чудовище, бросая тень в нужную сторону, ударяя щитом по камню, чтобы царь ударил следом.

Снова и снова Теффер промахивался - и каждый промах крушил колонну, разбивал подпорку, сдвигал плиту.

Зала, построенная ценой тысяч жизней, трещала под яростью царя.

Фарукх забился в узкую расселину между обвалившимися камнями - там, где царю не пролезть.

Скорпион скрежетнул клешней по камню, оставив глубокие борозды. Его хвост хлестнул, пытаясь достать человека - и только бронзовый щит, поднятый под нужным углом, спас Фарукха от смертельного укола.

Жало звеня скользило по металлу, оставляя на бронзе темные, дымчатые полосы.

Фарукх отвечал короткими, точными укулами - копьё выныривало из щели, как змеиный язык. Оно не причиняло большого вреда, но раздражало царя, вынуждало его бить сильнее и сильнее.

Пыль уже стояла столбом. Каменные балки стонали, как живые. Еще немного - и сама гробница Теффера падет на голову своему владыке.

Но лишь если Фарукх выстоит. Выберет верный миг.

Своды, подточенные веками и окончательно разбуженные яростью Теффера, трещали так, будто сама пустыня ломала кости. Пыль сыпалась сверху, струилась по стенам, забивала дыхание - зала задыхалась вместе с Фарукхом, будто разделяла его участь.

Грохот становился оглушительным. Камни, еще недавно державшиеся чудом, теперь сползали, падали, перекатывались по полу, дробя золоченых скорпионов и отбрасывая осколки барельефов, что веками хранили предания о владыках песков. Каждый удар хвоста Царя-Скорпиона был подобен тарану осадной машины.

Каждый его выпад - шаг к гибели всего, что было построено рабами ради одной цели: удержать Теффера там, где он не может вредить миру.

Фарукх понимал это слишком ясно. Гробница грозила стать его могилой. Но страшнее было не погибнуть - страшнее было дать вырваться тому, кто не должен больше видеть солнца.

Он видел - трещины расплзались по своду, по стенам, по обелиску. Камень стонал под яростью царя пустынь. Если зал рухнет прежде, чем Теффер будет прикован или повергнут, - проломившийся потолок может дать ему путь наружу. А если чудовище выберется...

Пески вспомнят свою древнюю песнь. О пожарах городов. О плененных народах.

О царе, чьи клешни ломали мечи, а хвост прорубал кольчуги, как сухую траву.

Эта мысль давила сильнее, чем камни, готовые упасть ему на голову.

Фарукх стиснул зубы, укрываясь за обломком колонны, и впервые почувствовал не страх за свою жизнь,

а ответственность за чью-то другую.

За тех, кто жил под небом, не зная ни проклятья Теффера, ни его имени.

Он понимал, если он уйдёт, если он позволит себе просто выжить - он станет тем, кто выпустил бедствие.

А потому отступать было некуда. Он должен был выдержать. Досидеть в тени этого ада до последнего мгновения. И ударить тогда, когда рухнет то, что должно рухнуть.

Пока царь, отданный пустынным пескам, вновь не станет их пленником.

Грохот становился безымянным - не похожим ни на один земной звук.

То был рев умирающей гробницы, последний вздох каменного исполина, что веками держал на своих плечах проклятие пустыни.

Фарукх уловил этот миг. Миг, когда огромная плита песчаника, сорвавшись сверху, ударила Теффера по плечу. Глухой, тяжёлый звук. Древняя броня треснула, точно скорлупа ореха.

Царь-скорпион качнулся. Его левая клешня обмякла, бессильно волочась по полу.

И тогда Фарукх бросился вперед - не раздумывая, не взвешивая, лишь чувствуя нутром, что иного шанса уже не будет.

Он вогнал копьё в соединение между человеческой грудью царя и хитиновыми пластинами скорпионьего тела. Рывок. Натиск. Мгновение, когда он сам стал тараном.

Хвост с шипением ударил по щиту - раз, другой, третий. Острая боль в руках, дрожащих от каждого удара. Грохот свода, сыплющегося сверху.

А Фарукх жался ближе, ближе, словно хотел своей грудью вытолкнуть Теффера обратно в пески.

Копье входило глубже, скрежеща о броню, срезая сухожилия, уходя в то, что было сердцевиной его древнего проклятия. Царь-скорпион хрипел.

Его лапы, некогда быстрые, теперь царапали камень, как затупившиеся ножи. Песок под ними дрожал, срываясь в зыбкие струи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.